

The book cover features a dark purple background. At the top, there are detailed illustrations of various flowers, including red poppies and yellow daisies, along with green leaves and a blue butterfly. In the center, a white line-art illustration of a house with a gabled roof and two chimneys is shown. The title 'ДОМ ШЕЛКА' is written across the house, with 'ДОМ' in dark blue and 'ШЕЛКА' in gold. Above the title, a short Russian phrase is written in gold. Below the title, the author's name 'КЕЙТ НАНН' is written in gold. The bottom of the cover is decorated with more floral illustrations, including red bell-shaped flowers and white daisies. The publisher's logo and name are at the very bottom.

INSPIRIA

НИКТО
НЕ ЗАЩИЩЕН
ОТ ЧАР ВЕДЬМИНОГО
ЦВЕТКА

ДОМ ШЕЛКА

КЕЙТ НАНН

INSPIRIA

Кейти Нанн

Дом шелка

Серия «Novel. На фоне истории»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68786361
Дом шелка: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-180233-2

Аннотация

Завораживающая история загадочной школы-интерната, хранящей многовековую тайну...

2019 год. Австралийская учительница истории Тея Раст приезжает в элитную школу-интернат в Оксли. Ей предстоит присматривать за первым потоком девочек за всю 150-летнюю историю учебного заведения. Вместе с юными воспитанницами Тею селят в Дом шелка, где тени прошлого скрывают гораздо больше мрачных секретов, чем она могла себе представить.

1768 год. Четырнадцатилетняя Роуэн Кэзвелл устраивается горничной в Дом торговца шелком в провинциальном, но богатом городке Оксли. Вскоре она обретает славу местной знахарки. Только в Англии XVIII века еще слишком сильны отголоски охоты на ведьм, чтобы люди могли оставить девушку в покое...

В это же время, в Лондоне, Мэри-Луиза Стивенсон мечтает стать художницей по шелку, создавая невероятные рисунки из ядовитых цветов пурпурной белладонны, пятнистой наперстянки,

алых маков и прелестного аконита. Один отрез такой ткани женщина провозит в Оксли, не подозревая, что темная энергия ее узора уже выбрала себе первую жертву...

«Изысканно написанная, эта яркая история может околдовать вас». – Woman

«Совершенно завораживающий». – Наташа Лестер, автор бестселлеров New York Times

«Плавно переходя от прошлого к настоящему и используя мощные повествовательные голоса трех очень разных женщин, Нанн создает потрясающую атмосферу... Многослойная и насыщенная неизвестностью история о привидениях, полная фигур, теней, неземной музыки, скрипов в ночи и беспокойных духов». – Lancashire Post

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	37
Глава 5	49
Глава 6	57
Глава 7	68
Глава 8	76
Глава 9	91
Глава 10	104
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Кейти Нанн

Дом шелка

Kayte Nunn

THE SILK HOUSE

Copyright © 2019 Kayte Nunn

© Осминина А.С., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Посвящается Шарлотте, которая любит
пугать меня своими собственными историями*

*«От любви, воров и страха появляются
привидения» – немецкая пословица*

Глава 1

Сейчас

Призрачное эхо женских голосов – сопрано, альто и контральто – звучало гармонично, естественно сочеталось в песне. Безупречный ясный звук лился из открытых окон, через покрытые шифером крыши, вдоль старых стен из красного кирпича, за прошедшие столетия гладко отполированных дождем и ветром; он летел над ровно подстриженными лужайками и спортивными площадками все дальше, туда, к широкой, усаженной деревьями аллее, где стояла Тея. По ее коже побежали мурашки: с порывом ветра, обогнувшим здание, мелодия зазвучала громче и будто совсем близко. Слева, в квадратных стеклах окон, виднелись расплывчатые тени. В сгущающихся сумерках явление казалось неземным, потусторонним. Ангельский хор. Слова «... пусть принесет вам покой» кружились в воздухе, летели дальше.

Тея остановилась и поправила очки на переносице, разглядывая здание перед собой: английская частная школа выглядела именно так, как она всегда себе и представляла. Все вокруг дышало историей: стены из камня светло-медового оттенка, увитые плющом и глицинией, безукоризненные га-

зоны (за которыми, без сомнения, ухаживал целый отряд садовников), окаймленные аккуратными рядами лиловых анютиных глазок и белого алиссума, высокие ворота, арочный портик и дубовая дверь, тяжелая и обитая железом. От этого места веяло традициями, привилегиями и деньгами. Среди таких внушительных зданий Тея казалась самой себе просто взъерошенной самозванкой, и ощущение было резким, точно пощечина.

Пение стихло, и она двинулась вперед, волоча чемодан и ругаясь себе под нос, когда тот цеплялся колесиками за гравиевую дорожку.

Полчаса назад автобус высадил ее на главной улице города, широкой, с плавными поворотами, но Тея и так знала, куда идти, уже побывав в колледже на итоговом собеседовании три месяца назад. Она была почти на месте, но из-за мелких камушков последние шаги долгого путешествия давались сложнее, чем ожидалось. Большинство посетителей, скорее всего, не приходили, как она, пешком, а приезжали на машинах, и тогда гравий приятно шелестел под дорогими шинами.

С последним рывком втянув за собой чемодан, она вошла под каменные своды и, обнаружив ручку, ухватилась за нее. Под нажимом плеча дверь поддалась, и Тею окутал аромат пчелиного воска, лилий, старых книг и слабый запах потных кроссовок, которые ее отец назвал бы «парусиновыми туфлями».

Она сделала пару шагов внутрь, и дверь за ней закрылась с гулким стуком, раскатисто разнесшимся по громадному холлу. Тея оказалась в прихожей с высокими потолками. По одну сторону стоял отполированный до идеального блеска прямоугольный стол, на котором высилась хрустальная ваза с теми самыми лилиями. Невероятно изящные лепестки цветов загибались наружу – кремовые, без единого пятнышка, с ярко-оранжевой пылью на каждой тычинке. Еще несколько дней – и они бы уже поникли, готовясь к скорому увяданию, но сейчас перед ней было само совершенство.

Дальше тянулся холл, заканчивающийся широкой извилистой лестницей с затейливой балюстрадой, которая вела вверх, в темноту.

– Вы опоздали, – раздался из тени глубокий, тягучий голос. Тея попыталась разглядеть, откуда он доносился, но уже через мгновение перед ней стоял высокий худощавый мужчина с зализанными назад волосами и изборожденным морщинами лицом, напоминавшим высохшее русло реки. Старомодный сюртук болтался на нем, точно сшитый для владельца покрупнее, но галстук на чистом белом воротничке был завязан безупречно. Брови насуплены, плечи сгорблены, точно от воображаемого холода. В глаза он ей не смотрел.

– Прощу прощения... автобус не сразу отправился. – Проверив часы, она добавила: – Но всего на пятнадцать минут позже.

– Конечно, вы же из... колоний, – неприязненно выделив

последнее слово, произнес он так, будто это все объясняло. – Мы ожидали вас вчера, мисс Раст.

– А разве семестр начинается не завтра? – вспыхнув от негодования, уточнила Тея.

– Завтра, но тем не менее мы ожидали вас вчера, – медленно, словно она была не только иностранкой, но еще и слабой, повторил незнакомец.

Она вновь принялась извиняться, но мужчина уже исчез во мраке. Не успела Тея его окликнуть, как он вернулся с ключами на большом железном кольце.

– Ключа три. Один от входной двери, второй от боковой, и третий... что ж, думаю, сами разберетесь. Если, конечно, сообразите. – Одной рукой он протянул ей ключи, а другой потер подбородок. На лацканы пиджака посыпались белые частички кожи, и Тею внутренне передернуло.

– Ученицы будут жить ближе к главной улице, в доме номер пятьдесят восемь. – Голос у него дрогнул, точно само слово «ученицы» причиняло ему физическую боль. – Меня доподлинно проинформировали, что вы разместитесь там же – по крайней мере, на первый семестр.

Юноши, точнее, как хвастался веб-сайт школы, наследники знатных семей, обучались в Оксли-колледже с середины девятнадцатого века. Исходя из истории, его основали в последней отчаянной попытке спасти город. Некогда все путешественники по дороге в Бат останавливались в Оксли, но добираться из столицы до курорта оказалось быст-

рее и практичнее на поезде, и городок опустел. Бывший постоянный двор превратился в главное здание колледжа, все остальные корпуса построили вокруг него, и так все осталось и поныне. Школа процветала, дав вторую жизнь и городу тоже.

Однако только в этом году колледж соизволил принять на обучение девушек. Продержавшись дольше, чем другие такие же школы, которые ввели совместное обучение еще десятки лет назад, Оксли все же пришлось идти в ногу со временем, чтобы не потерять учеников – во всяком случае, так предполагала Тея. Было очевидно, что этого мужчину, кем бы он ни был, такое решение вовсе не радовало.

Забрав ключи левой рукой, правую она протянула для рукопожатия:

– Тея. Новая учительница истории.

– Об этом я прекрасно осведомлен, мисс Раст, – не обращая внимания на протянутую руку, ледяным тоном отрезал он. – Баттл. Для вас мистер Баттл. Привратник.

– Да, разумеется, – произнесла Тея, опуская руку, когда мужчина отвернулся, показывая, что разговор закончен.

– В таком случае я пойду обратно к главной улице? – непринужденно, хоть и не без усилий, уточнила она.

– Зеленая дверь. Через одну от «Джорджа и Дракона». Не заблудитесь, – проворчал он через плечо, вновь исчезая в сумраке коридора.

В свой предыдущий визит Тея не успела почти ничего рас-

смотреть, поэтому сейчас уходить не спешила, наоборот сделав шаг вперед и с любопытством разглядывая обстановку. Глаза уже привыкли к тусклому освещению, и теперь на обшитых деревянными панелями стенах она различала большие, написанные маслом портреты – ученых, судя по виду. Один, темноволосый, с тонзурой, в очках в тонкой оправе и с пером в руках сидел за столом. Другой был в мантии с алым капюшоном и в квадратной академической шапочке. На третьем портрете, выглядевшем уже более современно, довольно молодой мужчина с песочного цвета волосами сидел на скамейке с лабрадором у ног, на фоне садов и зданий колледжа за ним. Она подошла ближе, чтобы прочитать подписи. Над каждым именем значилось также: «Глава колледжа» и даты службы. У последнего портрета нынешнего директора, доктора Александра Фокса, под именем стояло только начало службы: 2011 год, без второй даты.

Тея познакомилась с ним на собеседовании; ей понравилось его открытое лицо и непринужденное обращение без строгого этикета.

Оксли-колледж был оплотом влиятельных кругов Британии в сердце английской глубинки, но Тея с тем же успехом могла отправить резюме в школу на Марсе, потому что опыта работы в таком месте у нее не было. Она удивилась, что вообще прошла первый этап собеседования. Была, конечно, еще одна причина, по которой она в первую очередь зашла на веб-сайт именно этой школы и, увидев размещенную ва-

кансию, импульсивно направила свое резюме. Но не стоило об этом задумываться именно сейчас.

Уже повернувшись к выходу, она покрутила в руке металлическое кольцо, рассматривая гладкий, истертый от многолетнего использования металл. Все три ключа были большими, у одного головка в форме пятиугольника, внутри звезда в кольце, вершины упираются в круг – знакомый узор. У второго – переплетенные круги, точно маленький лабиринт, со звездой в центре, а на третьем – колчан со стрелами, по шейке плетение, точно крученая нить. Тея провела большим пальцем по пентаграмме, задумавшись, когда же их впервые отлили и почему с таким орнаментом.

Убрав связку в карман куртки, она закинула сумку на плечо, ухватила чемодан и потянула на себя дверь. Кроны деревьев беспокойно шелестели, и желудок отозвался ответным урчанием. Вместо обеда она перекусила в поезде, всего пара сэндвичей с водянистым кофе, и то уже давно. Где-то в сумке валялась шоколадка, но можно было и еще немного потерпеть. Нужно вернуться в город и найти, где им с девочками предстоит жить.

Вмонтированные в землю вдоль аллеи прожекторы освещали путь до ворот, и от деревьев по газону длинными пальцами тянулись тени. Вдалеке почти неслышно шумели машины. Но что-то изменилось. Сперва Тея не могла определить, что именно, и вдруг ее поразила тишина: музыка смолкла. Ей вспомнились слова мистера Баттла. Если сту-

денты еще не приехали, то кто же пел?

Глава 2

Сентябрь, 1768 год, Оксли

Сперва Роуэн заметила жилет господина, вытканый узором, который она прежде не видала: оранжевые лепестки сияли в тускнеющем свете послеполуденного солнца, листочки плелись зеленой лозой. Затем она обратила внимание на бриджи, белоснежные, точно брюшко сороки, такие же белые чулки и начищенные кожаные туфли с блестящими серебряными пряжками. По всей видимости, это был очень состоятельный джентльмен.

Неторопливо, с важным видом он подошел, остановившись неподалеку, убирая что-то в карман. Роуэн разгладила юбки и заставила себя улыбнуться, усмирив порыв сбежать и спрятаться. Как бы ей хотелось, чтобы ботинки у нее были чистыми, а не заляпанными грязью, а красный плащ с капюшоном, когда-то принадлежащий матери, не таким изношенным и в заплатках. Уставившись себе под ноги, Роуэн поспешно спрятала руки за спину: по дороге она собирала травы, и зеленый сок впитался в кожу.

– Ты, девочка. Ты сильная? Здоровая? – осведомился мужчина, вынужденно опустив взгляд: она была тоненькой

и невысокой, на фут или больше ниже его.

– Да, сэр, – нашла в себе силы ответить Роуэн. – Два года служила горничной и прачкой у семейства из девяти человек. – Она не стала упоминать, что дом тот принадлежал ее дяде и тете и за работу ей не платили. Ей хотелось показать, что дело она свое знает лучше, чем можно судить по внешнему виду. – Ни дня не пропустила.

– Я искал камердинера, – вздохнул он, поглядывая на другую сторону лужайки, где группками стояли женщины со швабрами и метлами и мужчины с косами, мотыгами или лопатами. Роуэн разглядела и обрывки ярко-голубых ленточек на груди у большинства из них, знаки, что их уже приняли на службу. – Но, похоже, в такой поздний час это бессмысленно.

На Михаэльмас в городе проводилась ежегодная ярмарка¹, куда стекались люди со всех окрестностей в надежде получить работу на год, и Роуэн сама два дня шла пешком из своей деревушки, спала в ложине у дороги и с рассветом вновь пускалась в путь. Солнце давно уже клонилось к закату, она простояла на лугу с раннего утра, но все, кому нужны были горничные, прачки и кухарки, спешили прочь, стоило им увидеть ее лицо и обезображенный шрамом левый глаз, из-за которого веко у внешнего уголка сползло вниз. Ей

---

¹ **Mop Fair** (англ.) – ярмарка вакансий, дословно «Ярмарка швабр», где можно было нанять прислугу на определенный срок: эту традицию ввел Эдуард III в середине XIV века. – *Здесь и далее – прим. переводчика.*

хотелось бы знать, почему и этот господин не поступил так же, но она благодарила звезды, что этого не произошло: болезненная пустота в желудке напомнила о том, в каком незавидном положении она очутилась. Если Роуэн не примут на службу, сил на долгую обратную дорогу до дома тетушки уже не останется, да и рад ей никто не будет – ее и отправили сюда зарабатывать на содержание младших братьев.

С места, где она стояла, открывался вид на распростертый внизу город Оксли. Столько домов сразу всех видов и размеров плотно прижимались друг к другу, точно кусочки мозаики: из кирпича, с прочной черепичной крышей – не то что домики из прутьев и глины и с соломой вместо крыши у нее в деревне. Главная улица казалась шире иной реки, которую только можно было вообразить, она мягко петляла вниз по холму, точно колечки яблочной кожуры. Размер города внушал ей благоговейный страх точно так же, как и знатный джентльмен перед ней.

– Полагаю, горничная мне подойдет. – Его слова вернули ее в настоящее время, позволив огоньку надежды вспыхнуть сильнее. Он помедлил, раздумывая, а Роуэн изо всех сил старалась выдержать его взгляд с твердостью, которую не ощущала, так как сердце ее колотилось быстрее, чем если бы она пробежала целую милю. Никак не показав, что заметил ее увечье – паутинкой разбегавшиеся от уголка глаза шрамы, – он произнес:

– Если моя супруга даст согласие. Идем. – Повинуясь зна-

ку, Роуэн подобрала узелок с чистой одеждой и несколькими дорогими ее сердцу сокровищами – все свое скромное имущество и поспешила за джентльменом по направлению к главной улице. Прямо на ней расположился рынок, и Роуэн влилась в людской поток, торопливо отступая и уворачиваясь, пока покупатели придиричиво осматривали жирный костный мозг, вилки капусты размером с голову, корзины яиц, тяжелые мешки с зерном и солодом, башни яблок и цыплят со свернутыми шеями, еще не ощипанных и не разделанных.

Не упуская мужчину из виду, она аккуратно огибала прилавки, нагруженные кусками масла, творогом, всеми видами сыров, трепыхающейся форелью с прозрачными глазами и серебристо-коричневой крапчатой кожей, пучками кресс-салата, душистыми травами и цветами, глиняными кувшинами с медом, свернутыми лентами. Неподалеку она заметила скрипача, а вокруг него робкие пары влюбленных. Музыкант управлялся с инструментом столь искусно, что только смычок и мелькал, и собравшаяся толпа притопывала и покачивалась в такт мелодии. Слушатели были самые разные: низкие и полные, как хлебные печки, круглые, как головка уилтширского сыра, или тонкие, точно оконное стекло.

Роуэн чуть не споткнулась о корку пирога, кем-то выброшенную, но не раздавленную. Последний раз она ела утром прошлого дня. Украдкой посмотрев по сторонам и убедившись, что никто не видит, она быстро нагнулась и схватила

остатки выпечки, тут же затолкав в рот, пока никто не заметил – еще несколько секунд, и от корки остались бы лишь крошки на булыжной мостовой. Когда она вновь выпрямилась, мужчина в ярком жилете почти скрылся из виду, и ей пришлось пробиваться сквозь толпу, догоняя его.

У нее уже кружилась голова от такого большого города, непривычных ароматов и странных окликов, обрывков разговоров, дразнящих, точно запах жаркого в холодный день. В родной деревушке, во Флоктоне, все были ей знакомы и в лицо, и по имени, и она им, а теперь... кто знал, что в одном месте может собраться столько незнакомцев? Мельком она заметила мальчика-подручного из мясной лавки, бегавшего с поручениями через рынок: ручная тележка была доверху нагружена свертками с мясом, связками сосисок, брусками сала и бекона. Что-то в повороте его головы, линии челюсти напомнили ей об Уилле, старшем из ее братьев, и тоска по дому и тишине родной деревни кольнула острой болью.

Мужчина неожиданно остановился перед особняком в отдалении от дороги, и она замерла на шаг позади него.

– Пришли, – произнес он с явной гордостью. – «Тончайшие шелка Холландера».

Роуэн во все глаза уставилась на здание. К нему примыкали два строения поменьше, будто поддерживая, как подпорки. Высокий, с рядами окон дом был построен из красного кирпича и имел крутую остроконечную крышу. По обе стороны от широкого дверного проема поблескивали квад-

ратиками стекол два больших окна в дубовых переплетах, над притолокой – табличка с изображением пары ножниц. Хотя она видела город только мельком, было очевидно, что это одно из его самых впечатляющих сооружений.

Первый этаж был отведен для торговли. В окне слева от себя Роуэн увидела отрезы прекрасных тканей: однотонных и в полоску, богато расшитых экзотическими птицами и букетами. Только через несколько месяцев она узнает, что так восхитившие ее цвета называются бирюзовый, фисташковый, лиловый и багряный, но уже через пару недель она возьмет в руки нежнейший шелк, до этого имея дело только с грубым льном и шерстяным полотном.

Роуэн заставила себя отвести взгляд от тканей и задрала голову к небу. Особняк был настолько высоким, что, казалось, задевал облака. Она насчитала три ряда окон, одно над другим, при этом на втором этаже стекла были не квадратами, а ромбами. Над наклонной крышей виднелось шесть дымоходов, в ней самой – четыре мансардных окна, и по высоте было ясно, что ступенек до самого верха придется преодолеть изрядно.

Ее будущий господин достал из кармана камзола ключи и провел Роуэн в небольшую прихожую. Тускло освещенный холл с дверями по обе стороны тянулся в глубь дома.

– Мы живем в дальней части дома и наверху. Твоя комната, если моя супруга согласится принять тебя, будет на чердаке, поделишь ее с Элис. Иди за мной, миссис Холландер

где-то здесь.

Он провел ее по коридору в просторную квадратную комнату. На обитых деревянными панелями стенах висели канделябры, ноги ее утопали в толстых коврах, устилающих пол. В дальнем углу был разожжен камин, выложенный из камня медового оттенка, и сырое дерево немного чадило, шипя и потрескивая. Роуэн знала, что у торговцев есть дрова и лучше.

В кресле у огня читала молодая женщина. Ее прическа из колечек и завитков сияла в оранжевых отблесках, щеки разрумянились от тепла. На ней было платье цвета осеннего сидра, кружева пенились на тонких запястьях, точно взбитые сливки. Не считая заостренного подбородка, черты лица у нее были мягкие, рот маленький, с розовыми губками. Родинка на скуле, которую можно было бы спутать с мушкой, привлекала внимание к ее ярким сине-зеленым глазам. Роуэн никогда прежде не встречала таких женщин, она выглядела такой хрупкой, словно могла сломаться от малейшего давления.

– А, моя дорогая Кэролайн, – обратился к ней супруг, потирая руки, будто от неуверенности. – Что скажете о нашей новой горничной?

– Роуэн Кэзвелл, мэм, – подала голос Роуэн, так как мистер Холландер – ведь, как она решила, это был он – не удостоился узнать ее имя. Она вспомнила, что принято делать книксен, и смущенно поклонилась.

Дама повернулась, отложив книгу, которую читала, и теперь изучающе рассматривала ее с ленивым интересом. Роуэн порадовалась, что стоит в тени и ее шрам не сразу бросится в глаза.

– Так не годится. Совсем не годится.

Роуэн похолодела.

– Разве мы искали не мальчика, чтобы выучить его на камердинера? – миссис Холландер покачала головой так, словно ее супруг нередко возвращался домой вовсе не с тем, за чем уходил.

– Никого подходящего не было.

– Как? Даже рано утром?

– Боюсь, что нет.

Но они были. Роуэн помнила, что несколько мальчиков примерно ее возраста и даже взрослые мужчины искали место.

Кэролайн Холландер вздохнула, приглядываясь к ней повнимательнее. По тому, как она прищурилась, Роуэн поняла, что шрам уже был замечен.

– Она не красавица, но, может, это и хорошо, – решила наконец хозяйка дома. – Что ж, раз в самом деле никого больше не было, придется нанять ее, хотя бы на какое-то время. Только прежде отмыть. Эта девочка, похоже, уже давно не видела горячей воды. У нее могут быть вши, и кто знает, что еще.

Несмотря на ласковую улыбку, резкие слова все равно

прозвучали как оскорбление, но Роуэн была не настолько глупа, чтобы это показывать. Возможно, после долгого путешествия она и выглядела измученной, но у нее всегда была с собой настойка розмарина, перечной мяты, гвоздики и герани: она отпугивала вшей и придавала волосам блеск. По мере надобности Роуэн также растирала тело кашицей из семян пажитника и горчичного масла, которая хоть и не так сладко пахла, но была определенно действенной. Может, она и была простой девочкой из бедной деревушки, но уж точно не крестьянкой.

– Пруденс сегодня же этим займется. Но ради всего святого, Патрик, пусть сначала ее обязательно накормят. Она такая тощая, будто месяцами не ела.

Роуэн смогла наконец выдохнуть. Похоже, госпожа Холландер все же согласилась взять ее хотя бы на испытательный срок.

– И ей понадобится новая одежда. Мои слуги в лохмотьях ходить не будут. А пока пусть ей дадут старое платье Элис. – И Кэролайн Холландер вновь взялась за книгу, словно в комнате уже никого не было.

– Конечно, моя дорогая, – ответил ее супруг, а затем обратился к Роуэн: – Ну, идем. Покажу тебе комнату. – Он взял с буфета масляную лампу и повел ее обратно по коридору. Выходя из комнаты, Роуэн оглянулась и увидела тени, окружившие ее новую хозяйку. Но стоило моргнуть, как они исчезли, и она убедила себя, что это просто из-за незнакомой

обстановки.

Глава 3

Сейчас

Асфальт уже запестрел мокрыми точками от морозящего дождика, и Тея укрылась под притолокой, крутя в руках ключи и пытаясь решить, какой же подойдет к свежеокрашенной двери.

Особняк высился в конце длинной главной улицы, которая дальше сужалась и вилась по склону, как Тея помнила, по направлению к далеким холмам — их она видела в свой первый приезд, когда еще было светло. Остроконечная крыша квадратного трехэтажного дома красного кирпича была покрыта бурой, точно ржавчина, черепицей в пятнах лишайника, от входа виднелось четыре мансардных окна и дымоходы с торцов. Большие окна в белых рамах с квадратными стеклами по обе стороны от двери соседствовали с элегантной дощечкой с надписью: «Дом шелка». Табличка поменьше и поновее, внизу, предупреждала: «Частная собственность». Внутри было негостеприимно темно, ни единого огонька.

По дороге к особняку Тея прошла несколько пабов, куда то и дело ныряла очередная парочка, и тогда из откры-

тых дверей доносились обрывки разговоров, запахи дымка и горького эля. Ей мучительно хотелось тоже зайти внутрь, взять пинту и что-нибудь на ужин, но она передумала, даже несмотря на накрапывающий дождь. Важнее было найти дом, где ей теперь предстояло жить.

Вновь посмотрев на ключи, она выбрала один и уже собиралась вставить в замок, но неожиданно дверь перед ней оказалась приоткрыта. Тея уставилась на нее, совершенно уверенная, что пару секунд назад та была заперта. Толкнула створку кончиками пальцев, осторожно, вдруг кто-то бы стоял за ней, и позвала:

– Ау? Есть кто-нибудь?

Неподалеку на тротуаре горел уличный фонарь, но внутри дома царила непроглядная темень. Ей никак не удавалось избавиться от ощущения, что за ней следят; она обернулась через плечо, но ничего не заметила. Решительно переступив порог, Тея принялась: резкий запах лекарственных трав и дыма, будто камин топили сырыми дровами. Напугать ее было не так-то легко, но от пустого дома темной ночью в незнакомом городе у нее появилось устойчивое чувство тревоги. Отмахнувшись от смутных предчувствий, Тея прошла дальше, везя за собой чемодан. Через несколько шагов она остановилась, поставила вещи и сбросила с плеча сумку с хоккейными клюшками. Обернувшись, на ощупь поискала выключатель у двери и щелкнула круглой выпуклой кнопкой. Мигнув, лампа тускло засветилась.

– Мисс Раст?

От звука голоса за спиной Тея подпрыгнула и резко развернулась.

В противоположном конце коридора стояла высокая сухопарая женщина в очках, с седыми, забранными в прическу волосами. От включенного света по холлу плясали тени, скрадывая очертания, и сама женщина сливалась с мраком вокруг.

– Да, я Тея. Тея Раст, – кивнула Тея, подавив желание вернуться в тот паб на главной улице, к свету и теплу жизни.

Женщина словно скользила по полу, пока наконец не остановилась на расстоянии вытянутой руки. Слишком большие, с затемненными линзами очки и строгая прическа не сочетались с красивой шелковой блузой, со вкусом расшитой цветочными узорами.

– На вид вы едва ли старше наших будущих учениц. Я миссис Мэри Хикс. Дом шелка находится в моем ведении, – представилась она, убрав руки за спину. Большая дымчатая кошка терлась об ее ноги, периодически залезая и выныривая из-под юбок и яростно шипя на Тею.

Теперь, когда женщина приблизилась, она уже не казалась такой устрашающей, и все же было в ней что-то, от чего Тею пробрала дрожь.

– Рада познакомиться, миссис Хикс, – изо всех сил стараясь говорить искренне, ответила Тея. – А я подумала, что здесь и нет никого, так темно...

– Ну конечно же я здесь, мисс Раст. Девушки приезжают уже завтра. У меня достаточно забот с подготовкой дома, так что времени включить свет у крыльца просто не было. Вот и все.

Это прозвучало снисходительно, и Тея прикусила губу, но промолчала. Ей не хотелось сразу ссориться с женщиной, так толком и не познакомившись.

– Какая милая кошечка, – в итоге произнесла она дружелюбно и наклонилась погладить питомицу, но та только юркнула обратно в убежище юбок своей хозяйки, и Тея, чувствуя себя страшно глупо, выпрямилась.

– Ее зовут Исида. Отлично ловит мышей. – Миссис Хикс смерила Тею взглядом, будто оценивая, и уголок губ у нее дернулся. – И все же будьте осторожны, она царапается.

– Поняла. – С древнегреческой мифологией Тея была знакома поверхностно, но знала, что кошку назвали в честь богини.

– Так, нам надо вас устроить. Спальня и ваш кабинет находятся на верхнем этаже, – сообщила миссис Хикс, указывая на лестницу в глубине холла. – Наверху повернете налево, предпоследняя дверь. Моя комната находится в задней части дома, здесь слева. Девушки разместятся на втором этаже, а также в комнате рядом с вашей, общие комнаты и столовая – на первом этаже. Дверь за столовой ведет в сад, в пруду разводят рыб; сам двор обнесен оградой, за ней начинается река. Выходить за ограду категорически запрещается.

Тея почувствовала, что запрет распространяется и на нее тоже.

– Также я хотела бы, чтобы в будущем вы называли меня «настоятельница» или «дама Хикс». Это традиция Оксли. – Женщина улыбнулась, но только губами: из-за очков настоящие эмоции было не угадать. – Весь дом покажу вам завтра, – добавила она. – Придется встать пораньше, чтобы успеть до приезда девушек.

– А во сколько они приезжают? – уточнила Тея.

– С трех часов дня. Достаточно времени, чтобы устроиться и распаковать вещи перед ужином.

Из многочисленных инструкций и справок, которые ей направили, Тея знала, что все четырнадцать девушек будут завтракать и ужинать у себя, а на ланч и обед оставаться в главном здании вместе с остальными учениками.

– А как же миссис Джексон? Заведующая? – Очаровательная женщина, домашняя и уютная, как пирожок, пахнувшая мятными леденцами и тальком, присутствовала на собеседовании Теи. Ей пришло в голову, что, окажись там миссис Хикс или, если уж на то пошло, привратник, она вполне могла передумать по поводу этой работы. Оставалось надеяться, что миссис Джексон поможет ей освоиться.

– Боюсь, здесь небольшая загвоздка. Миссис Джексон крайне неудачно упала, играя на прошлой неделе в бадминтон. Споткнулась о воланчик. Судя по всему, повредила спину, – сообщила дама Хикс. – Разумеется, за такое короткое

время школе не удалось найти никого на замену, и меня уведомили, что, пока ей не станет лучше, ее обязанности возьмете на себя вы. Как мне сказали, как минимум на несколько недель.

Тея, на секунду отвлекшаяся на мысли о припасенной шоколадке, вздрогнула. Она правильно расслышала? Ей придется отвечать за всех учениц? Даму Хикс подобная перспектива радовала ничуть не больше, и настроение Теи упало: получается, на ней будет ответственность за здоровье и благополучие девушек. Она любила преподавать историю, делиться своей страстью к предмету, но в психологической помощи ученикам или, как ее называли в таких частных школах, «пастырской заботе» опыта у нее не было никакого, да и терпения по отношению к пустяковым драмам и подростковым эмоциям не сильно больше. Она еще помнила свои шестнадцать лет, эти скачки от парализующей неуверенности в себе до безграничной веры в собственные силы, и порой все это за одну минуту. Вероятно, это расценивалось как повышение, но она представляла его совсем по-другому.

– Разумеется, я тоже буду здесь, – пояснила настоятельница. – Но моя задача – следить, чтобы все работало как положено, следить за кухней, уборкой, стиркой и тому подобное. Следуйте за мной, – пригласила она, бросив взгляд на часы. – И багаж свой возьмите. Ни к чему терять время попусту.

Дама Хикс быстрым шагом двинулась вперед, зажигая свет по дороге, даже не оглядываясь проверить, идет ли Тея

за ней.

— На этом этаже столовая: до того, как дом выкупил колледж, здесь был ресторан отеля. — Она указала на комнату справа, и Тея, заглянув в приоткрытые двойные двери, увидела два длинных стола с рядами стульев, сервировочные столики и шторы с ярким узором. Пахло свежей краской.

— Кухня вон там, — указала хозяйка на другие двойные двери в дальнем углу столовой. — А теперь пойдемте вверх.

На второй этаж вела широкая дубовая лестница, балясины отполированных временем перил украшал узор из желудей. Подхватив чемодан и сумку, Тея подняла их по неровным ступенькам, радуясь, что не поддалась искушению и взяла с собой только самое необходимое.

На втором этаже от лестницы вправо тянулся коридор с пятью дверьми, две по одну сторону, три по другую.

— Девушки поселятся по двое и по трое, — объяснила дама Хикс, показывая Тее комнату с двумя односпальными кроватями с белыми пуховыми одеялами и взбитыми подушками, где также стояли два письменных стола с удобными на вид креслами. Над каждым рабочим местом на стене висели пробковые доски, между кроватями лежал круглый коврик, а по дальней стене были расставлены шкафы. По мнению Теи, спальня выглядела слишком безличной, единственным дополнением был приплюснутый шар на одном из столов, размером и формой напоминающий гальку. Комната Теи в

подростковом возрасте была примерно такого же размера, хотя и завешана от пола до потолка постерами с хоккеистами, скаковыми лошадьми и звездами тенниса. Она со стыдом вспомнила, как все те годы была влюблена в Андре Агасси и задумалась, разрешат ли девушкам украсить свои комнаты. Как она уже начала подозревать, вероятнее всего, их попросят ограничиться пробковыми досками.

Ее провожатая указала на винтовую лестницу в дальней части коридора:

– Она ведет на чердак, а также вниз. Полагаю, раньше ею пользовались слуги. Две девушки займут комнату наверху, ту, что побольше, затем будет ваша спальня и кабинет.

– Супер. Думаю, теперь я сама справлюсь, благодарю вас, – кивнула Тея, которой уже не терпелось найти свою комнату и поставить тяжелые сумки.

– Хорошо. В таком случае увидимся утром. – И дама Хикс исчезла так же бесшумно, как и появилась.

Тея перехватила чемодан другой рукой, поправила хоккейную сумку на плече и двинулась дальше по коридору. На первой двери значились имена будущих учениц: Арадия Бьянки, Морган Эддингтон-Клэй, Сабрина Фокс. Она приоткрыла дверь, чтобы посмотреть: два мансардных окна выходили на главную улицу, и несмотря на покатые стены, в просторной комнате удобно размещались три кровати, столы и большой шкаф. Осталось даже место для пары кресел с обивкой в красную клетку у низкого столика. В одном углу

стояла раковина и разделочный столик с чайником, чашками и парой стеклянных банок для печенья. Другие комнаты вряд ли чем-то отличались.

Увидев все, что нужно, Тея прикрыла дверь и уже с трудом двинулась к ведущей на чердак лестнице, где и нашла отведенные ей комнаты в конце коридора, за дверью с табличкой Фенелла и Камилла. Она бы не удивилась, окажись на других дощечках такие имена, как Арабелла, Генриетта или Кларисса: в Оксли-колледж придут девушки именно такого типа. Тут она одернула себя. Ее собственное имя, Теодора, не сильно отличалось.

Закатив чемодан в комнату, она огляделась. Односпальная кровать, заправленная, как и другие, пуховым одеялом, в ногах сложен шерстяной плед в темно-синюю клетку – слава богу, не розовый. У единственного слухового окна также стояло кресло и вместительный комод, а на нем тот же предмет в форме гальки, что и в других комнатах. С любопытством повертев его в руках, Тея обнаружила надпись «Екко» на боку и мигающие по кругу огоньки. Похоже, одно из тех умных устройств, которые записывают разговоры и передают информацию невесть кому. В случае чего, всегда можно вытащить батарейки, а пока пусть лежит.

В дальней части комнаты, где наклонные стены соединялись так, что Тея чуть не стукалась головой, была еще одна дверь, ведущая в крошечную ванную. Пол недовольно скрипел под ногами, точно старичок, с оханьем выбирающийся

из кресла. Не особенно ровный, пол, казалось, шел под уклоном, создавая ощущение каюты на корабле, а не стоящего на земле дома. Что ж, особняк старый, этого и следовало ожидать. Как историка, возможность жить здесь приводила Тею в восторг, так как здание, судя по внешнему виду и кривым полам, явно было построено не позже восемнадцатого века.

Сбросив с плеча спортивную сумку, Тея вытащила из бокового кармана яблоко и шоколадку – оба после долго путешествия выглядели не лучшим образом. В конце коридора она заметила еще одну дверь, вероятно, в ее кабинет, но туда она успеет и потом. А пока она скинула ботинки, упала на кровать, вгрызлась в яблоко и задумалась.

Каждая клеточка ее тела болела, а от долгого перелета вкупе с двумя днями в Лондоне, где она бегала по музеям и выбирала, куда можно будет сводить учеников, ее обычно спокойное настроение упало вместе с уровнем сахара в крови. Может, именно поэтому она засомневалась, правильно ли поступила, приехав сюда. Школа эта с призраками прошлого, привилегированные ученики (а теперь и ученицы), другие учителя, стопроцентно из того же теста, что и привратник мистер Баттл – что у нее может быть общего хоть с кем-то из них?

Иногда она правда себя не понимала.

Нервно дожевывая яблоко, она бросила огрызок в корзину для бумаг в дальнем углу комнаты и чуть улыбнулась прямому попаданию. Поднявшись, кинула очки на кровать и от-

правилась в ванную умыться. Встав на цыпочки, всмотрелась в отражение, добросовестно показавшее глубокие тени под глазами и длинные, сейчас слипшиеся в отдельные пряди прямые волосы. За спиной отражения промелькнула тень, и Тея резко обернулась: ничего. Она даже не успела разглядеть, что это было.

Только ветер стучал ставнями.

От усталости и отнюдь не теплого приема она превратилась в параноика.

«Ну-ка, Раст, соберись».

Вытерев руки, она надела очки и направилась в свой рабочий кабинет. Маленький, хотя и с окном в сад, он больше походил на каморку. Раздвинув шторы, в темноте она все равно ничего не увидела; только какое-то пятно на стекле, оказавшееся отпечатком руки с растопыренными пальцами. Тея потерла его рукавом, но ничего не произошло: наверное, он был снаружи, но как можно было забраться так высоко? До чердака не достала бы и самая длинная лестница.

Отвернувшись от окна, она прошла туда-обратно, разглядывая обстановку. Почти весь пол занимал разноцветный ковер, в стену были вкручены крючки для одежды – и, судя по шепоткам пыли на полу, совсем недавно.

На столе ее ждала стопка бежевых папок с именами новых учениц Оксли, которые она с любопытством пролистала и решила забрать с собой в комнату. Главной задачей сейчас было распаковать вещи, с чем Тея справилась быстро,

разложив одежду в комод, а туалетные принадлежности – в ванной. Со дна сумки Тея достала металлический цилиндр, небольшую фотографию в деревянной рамке и пару книг: все уместилось на книжной полке у стола. На форзаце верхней книги значилось: «ГАР, сентябрь 1965 года, Милл-хауз, Оксли-колледж».

Она знала эту надпись наизусть, «ГАР» – Генри Адам Раст. Вот почему она сначала открыла веб-сайт Оксли-колледжа и не раздумывая приняла решение.

Воспоминание всплыло в памяти непрошеной картинкой. Они сидели вместе на заднем крыльце их загородного дома в Мельбурне, и отец терпеливо чистил отбеливателем фирменные белые кеды в ожидании традиционной воскресной партии (и хотя для всех это было просто развлечением, отец всегда боролся с самоотверженностью игрока Уимблдона). Рядом всегда ждала наготове тлеющая сигарета и запотевший бокал пива. Как он всегда хотел победить! Тея нахмурилась, вспоминая: они с младшей сестрой Пип никак не могли его обойти. «Пленных не брать!» – был его любимый клич, когда бы они ни оказывались по разные стороны поля. Нуждаясь в его одобрении и внимании, они терпели поражение за поражением: Тея сомневалась, что одной из них удалось хоть раз его обыграть, будь то теннис, карты, шахматы или вообще что угодно. И хорошо, потому что проигрывать он терпеть не мог и несколько дней потом ходил мрачнее тучи.

Тея закрыла книжку и уже собиралась ложиться, как

вдруг везде погас свет. Повисла гнетущая тишина, и волос-
ки на шее встали дыбом. А затем, откуда-то из глубин дома,
раздался пронзительный необъяснимый скрип.

Глава 4

Сентябрь, 1768 год, Оксли

В отличие от сумрака и тишины остальных помещений в пропахшей дымом кухне ярко горел огонь, в громадном камине шипел на вертеле окорок. Несомненно, самая теплая и гостеприимная из всех комнат, через которые Роуэн провел новый хозяин.

– Господь всемогущий, кто тут у нас? – удивилась стоящая у огня низенькая пухлая женщина, чьи пышные бедра обтягивал засаленный передник, а руки размером с уилтширский рулет крутили вертел. Из-под чепца выбивались пряди медных, точно новый пенни, волос, кожа загрубела, а щеки напоминали переспелые осенние яблоки, чуть увядшие, но еще румяные.

– Пруденс, у нас новая горничная, – сообщил Патрик. – Будет выполнять любые поручения и прислуживать мне, а Элис – госпоже Холландер.

– Очень хорошо, сэр. – Кухарка смахнула пот со лба, разглядывая Роуэн. – Такая тощая! Хотя кажется вполне сильной. Что с твоим глазом, девочка?

– Зацепилась за мясной крюк, госпожа, – робко ответила

Роуэн. На самом деле правда была мрачнее, так как Роуэн родилась такой. Она так и не узнала, была ли это травма из-за тяжелых, по словам матушки, родов, или она потом стала такой безобразной. Простое объяснение всегда лучше, этот урок она усвоила, так как к родившимся с уродством часто относились с подозрением. А Роуэн и так сильно отличалась от остальных.

Кухарка поморщилась.

– Госпожа Холландер велела ее отмыть. После ужина – вполне приемлемо, – закончил Патрик и вышел.

– Ну садись, девочка. – Пруденс указала Роуэн место за большим столом, занимавшим большую часть кухни. – Тебя что, прошлые хозяева не кормили? Уличный оборвыш и то не такой костлявый. – Она поставила перед ней миску с ячменной кашей с морковью, в которой темнели кусочки мяса, и передала ломоть хлеба от каравая на буфете.

Роуэн не нужно было упрашивать.

– Я могу вам чем-то помочь? – с набитым ртом спросила она, стараясь сразу же быть чем-то полезной.

– Скоро у тебя будет забот полон рот. Я справлялась на кухне одна вот уже семь лет, еще один день погоды не делает. Сначала с хозяином, пока он жил в Лондоне, а теперь здесь.

– Он жил в Лондоне? – проглотив очередную ложку, спросила Роуэн. Она слышала множество историй о столице, этом городе воров и карманников, гуляющих девок и нищих,

шайках вербовщиков и похитителей трупов, жуткие рассказы о распущенных нравах и алчности. У нее Лондон вызывал откровенный ужас. Даже Оксли, многолюдный и оживленный, вымотал ее, привыкшую к тишине и спокойствию, и у нее никак не выходило представить такой же, только в двадцать раз больше.

– Да, до женитьбы, – вдруг резким тоном отрезала кухарка. – Ну, довольно, нечего болтать попусту.

Роуэн доела кашу, выскребя из миски все до зернышка. Она и не помнила, когда прежде получала столько еды; грубая ткань платья даже начала давить на живот.

Закончив, она заворуженно наблюдала, как Пруденс суетится на кухне, меняя сковороды и кастрюли, сливая кипящую воду и расставляя сервировочные блюда с поразительной быстротой. На столе готовился целый пир, и всего лишь на двоих – Роуэн никогда не видела столько еды сразу. Ей повезло найти место в состоятельном доме.

От тепла кухни и сытной еды ее разморило, и она, опустив голову на руки, решила всего минуточку отдохнуть.

– Поднимайся, соня. – Кто-то легонько подергал ее за рукав, и Роуэн через силу подняла голову. Поморгав, она заметила, что на кухне почти не осталось следов бурной подготовки к ужину. – Сейчас тебя отмоет. – Кухарка исчезла в проходе позади кухни, но ее не было так долго, что Роуэн слегка забеспокоилась. Наконец Пруденс вернулась, неся хлопковую сорочку, сложенный кусок ткани, щетку и

кусочек светло-коричневого мыла.

— Слева по коридору, в прачечной, есть корыто, я натаסקа-ла туда воды из колодца, — сообщила Пруденс, вручая Роуэн вещи. — Горячая вода только всякие болячки приносит.

— Да, мэм, — согласилась Роуэн. Ее мать считала так же.

— Тогда поторопись, рассиживаться тут некогда.

— Да, Пруденс. — Роуэн поспешила в направлении прачечной.

Когда она наконец отмылась дочиста, вытерлась и отжала волосы, зубы у нее стучали от холода. Переданная ей сорочка когда-то явно была господской, и теперь, несмотря на заштопанные рукава и слишком длинный подол, приятно и мягко касалась кожи. Подхватив подол одной рукой и собрав грязные вещи другой, Роуэн вернулась в кухню.

— Ой! — Она чуть не выронила свой сверток. За столом сидел юноша, тот рассыльный из мясной лавки, которого она заметила днем в городе. — Прошу прощения. — Пунцовый румянец залил щеки, ее перестала бить дрожь, сменившаяся столь же неприятным жаром. Она не привыкла, чтобы ее видели незнакомцы, особенно в ночной рубашке.

Мальчик уставился на нее, точно на привидение.

— Ты кто? — придя в себя, спросил он.

— Роуэн Кэзвелл. Служу здесь, — произнесла она, с удовольствием услышав, как это звучит.

— Томми Дин, а ты что здесь делаешь? — Вошедшая в кухню Пруденс плюхнулась за стол с пузатой бутылкой в руке и

плеснула себе в стакан прозрачной жидкости.

Даже с такого расстояния Роуэн безошибочно узнала запах джина: ее тетка тоже любила выпить стаканчик-другой.

Тут Пруденс заметила Роуэн и ахнула.

– Твои волосы...

Роуэн машинально коснулась головы. До этого на ней был чепец, и она поняла, почему остальные так отреагировали: волосы у нее были редкого оттенка, светлые до белизны и мягкие на ощупь, точно осенняя паутинка. Сейчас они закрывали поврежденный глаз, спадая волной почти до талии. Братишки часто дразнили ее: «Королева снега, где твоя телега!» – приговаривали они без конца, а потом удирали от нее, хохоча и падая, налетая друг на друга. Вечерами мама сажала ее перед камином и расчесывала спутавшиеся пряди, а когда на них падал отблеск огня, даже отец не мог отвести взгляд.

Пруденс смотрела на нее с опаской, потому как все знали, с такими волосами ничего хорошего не жди, а другие прямо говорили: «к несчастью». Прикусив губу, она только сказала:

– Лучше поднимайся-ка наверх, да чтоб не увидел никто. Держи. – Она протянула Роуэн мужской халат, который, как она тут же подумала, когда-то мог принадлежать мистери Холландеру. Тонкое мягкое сукно, и только потрепанные краешки манжет выдавали, что его вообще носили. – Набрось сперва. Сорочку и приличной-то едва назовешь.

Придерживая накинутый халат, Роуэн уже повернулась,

чтобы выйти, но остановилась. Юноша за столом будто едва терпел боль. Выражение его лица оставалось спокойным, но Роуэн чувствовала исходящее от него невыносимое страдание столь же ясно, как тепло от огня.

Такое случалось с ней прежде. Как-то летом, когда ей исполнилось десять, она была на лугу с братьями, и вдруг ее словно что-то толкнуло: «Беги домой». Она бросилась по тропинке к дому, а вбежав на кухню, увидела маму с перекошенным от боли лицом и залитой кровью рукой.

– Нужна ткань, – сквозь зубы выдавила она. Роуэн вернулась с холщовой блузой – первое, что попало под руку, – и помогла перевязать рану. – Нож соскользнул, – объяснила тогда матушка.

Чуть позже она спросила:

– Как ты узнала?

Роуэн пожала плечами.

– Почувствовала, будто что-то острое пронзило меня насквозь, и не успела опомниться, как ноги сами понесли сюда.

– Так ты видишь, – задумчиво произнесла мама. – У тебя есть дар.

– Что? – непонимающе переспросила Роуэн.

– У твоей бабушки он тоже был. Тебе придется всегда быть настороже. Ни слова об этом, ни единой живой душе – ни братьям, ни отцу, ты поняла? С такими волосами все вокруг непременно решат, что ты ведьма.

Это слово вселяло страх; Роуэн хорошо знала, что случа-

лось с теми, кого обвиняли в колдовстве. Их сторонились, винули за неурожай или падеж скота, за любое несчастье или болезнь. Не нужно было доказательств, их выгоняли из собственного дома, из деревень или того хуже, бросали в ближайшую темницу. В мгновение ока слухи становились сплетнями, а те – фактами.

Не так давно, рассказывала матушка, ведьм топили или сжигали на костре на глазах у всей благоговейно наблюдающей деревни. Самое меньшее – пытали, дробили кости в тисках, пока они не сознавались в преступлениях, настоящих или надуманных при первом же подозрении. Даже просто за открытые и смелые высказывания могли надеть маску позора с железным кляпом, чтобы заставить замолчать. Менее двух поколений назад в городке Малмсбери милях в сорока от Оксли жители обвинили трех женщин в колдовстве за наведение хворей, их заклеямили как ведьм и повесили за изготовление зелий и якобы ворожбу. А матушка Роуэн была еще совсем девочкой, когда сестер Хандсель из Дании, живших неподалеку от Флоктона в деревушке Уилтон, обвинили в том, что они наслали на деревню оспу, и забили камнями в ближайшем лесу, даже судебного слушания не было.

С упразднением законов о колдовстве уничтожили далеко не все позорные стулья: на них сажали гулящих девок, падших женщин и ведьм. Их прятали в коровниках и хлевах, на чердаках и в прачечных. Роуэн никогда их не видела, но содрогалась при воспоминании о рассказах матушки о том,

как обвиняемых привязывали к таким стульям толстыми кожаными ремнями и опускали в воду, представляла тот ужас, который им приходилось пережить, обездвиженным, лишенным воздуха. Она всегда боялась воды: стремительных рек, извилистых потоков, подхватывающих камни и палки, и глубоких заводей от упавших во время грозы деревьев.

Матушка уже показывала Роуэн, как приготовить простые снадобья из целебных трав, растущих на холмах и опушках, но после того случая с ножом стала учить ее и некоторым чарам, и Роуэн не нужно было объяснять, что говорить об этом вне дома или с кем-то кроме матушки нельзя, даже с Уиллом, ее любимым братом.

Юноша неловко шевельнулся на лавке, и Роуэн вновь ощутила исходящие от него волны боли. Случилось что-то очень плохое.

– Сестрица небось гадает, что там с тобой, – укорила Пруденс мальчика. – Надеялся получить что-то с ужина?

– Нет, тетя Прю, смотри. – Он осторожно подвинулся, показывая левую ногу из-под стола.

Кухарка, только что сделавшая глоток из стакана, поперхнулась и раскашлялась.

– Боже всемогущий! – вскричала она. – Как, скажи на милость, это могло случиться?

На голени вздулся рубец круглой формы, ниже из глубокой раны сочилась кровь, и кожа вокруг уже побелела.

– Лошадь лягнула, – ответил юноша, скрипя зубами от бо-

ли.

Едва лишь заметив рану, Роуэн нашла узелок со своими вещами и вытащила горшочек с целебным бальзамом.

– Вот, – нерешительно сказала она, протягивая мазь Пруденс. – Может помочь. И нужно перевязать, держать рану в чистоте. Есть что-нибудь? – Еще бы, в доме торговца шелком.

– Есть муслин, соусы процеживать, – с сомнением в голосе протянула Пруденс.

– Если чистый, принесите, пожалуйста, – попросила Роуэн уже увереннее.

– Откуда ты это взяла? – Пруденс указала на мазь.

– Это мое. То есть я сама сделала, – ответила Роуэн. Когда минувшее лето было в самом разгаре, Роуэн измельчила сальный корень, тысячелистник, мелиссу и календулу, добавив ланолин из овечьей шерсти, собранной с живых изгородей. Матушка хорошо ее обучила; она умела готовить лечебные и болеутоляющие мази и примочки из трав, которые находила на лугу и по обочинам, пчелиного воска и меда, размоченных отрубей и хлеба. Она не забыла и рецепты других, более сложных составов, хотя тетя Уин, забрав ее с братьями к себе, настаивала, чтобы под ее крышей «никакой волшбы и в помине не было». И Роуэн оставалось готовить только что-то самое простое.

Кухарка недоверчиво подняла бровь.

– Матушка научила меня. Она была... она многое уме-

ла, – ответила Роуэн как можно невиннее, надеясь рассеять мелькнувшее в глазах женщины подозрение.

– Выкладывай, – подозрительно прищурившись, потребовала Пруденс. – Ты знахарка?

Роуэн затаила дыхание. Знахарками называли тех, кто готовил травяные настои и лечебные отвары, не совсем магия, но даже в таком она боялась признаться: и малейшего намека на нечто предосудительное было достаточно, чтобы разрушить чью-то жизнь. Тем более что она была чужаком, только-только появившись в доме, и ей еще предстояло показать, на что она способна.

– Это самое обычное снадобье, – тихо ответила она.

Мгновение помедлив, кухарка протянула руку:

– Хорошо. Что ж, тогда давай его сюда. И тебе пора ложиться, завтра долгий день.

Роуэн передала женщине заветный горшочек и повернулась к двери.

– Спасибо, Роуэн Кэзвелл, – произнес Томми.

Она обернулась с благодарной улыбкой: он так напоминал ей Уилла. Та же копна светлых как лен волос и глаза орехово-карие – он не мог не вызывать симпатию.

– Не стоит, – смущенно ответила она и бросилась вверх по черной лестнице.

Добравшись до последнего этажа, Роуэн в этот раз самостоятельно нашла отведенную ей комнатку на чердаке – небольшую и темную, с наклонным потолком и слуховым ок-

ном, выходящим на улицу. Загадочная Элис так и не появилась. Кровать была одна, с железным каркасом, заправленная узорчатым стеганым покрывалом, с льняными простынями и парой тонких подушек. Еще из мебели был бельевой шкаф и шифоньер, на котором стоял умывальник и кружка. Для Роуэн, в доме дяди и тети спавшей на соломенном тюфяке в кухне, а до этого – вместе с двумя братиками, когда они были маленькими, комната казалась роскошной.

Положив свои скудные пожитки у кровати, Роуэн устроилась на стороне подальше от двери. И хотя матрас и подушка были совсем тонкими, после ночи в рощице по пути в Оксли они казались гусиным пухом. Она лежала, наслаждаясь ощущением, события прошедшего дня крутились бесконечной бурной чередой. Вдруг вспомнив, Роуэн потянулась к своему узелку и вытащила небольшой крест из двух прутиков, перевязанных в центре шерстяной ниточкой, красной – вымоченной в растворе коры дикой яблони. Веточки были из рябины – дерева, в честь которого ее называли²: отец сделал ей этот крестик в детстве и для каждого из братьев тоже. Пальцы коснулись знакомой поверхности, и в голове раздался голос матери: «Он тебя защитит». Роуэн надеялась, что эти чары не потеряли своей силы, что они действительно защитят ее в этом странном новом месте. Ей вдруг очень захотелось оказаться снова во Флоктоне, свернуться у мерцающих углей, и чтобы рядом, точно сбившиеся в клубок щенята, ле-

---

² От англ. rowan – рябина обыкновенная.

жали братья. Но не успела она глубже погрузиться в эти мысли, как крепко заснула, прижимая крестик к груди, и даже не почувствовала, как много часов спустя с другой стороны кровати осторожно легла молодая девушка.

Глава 5

1768 год, Лондон

Лепестки цветов были усыпаны бисеринками росы, в которых, если приглядеться, все отражалось в перевернутом виде, точно иллюзия фокусника. Мэри-Луиза Стивенсон сидела за столом у окна в гостиной, устраивая в вазе только что собранный букетик и аккуратно развязывая тугой узел, чтобы не повредить и не стряхнуть оставшуюся росу.

Этим утром она вызвалась сходить на рынок, находившийся через несколько коротких улочек от их дома в Спитал-Ярд, и, купив репы и моркови, по дороге собрала немного полевых цветов, в изобилии росших вдоль канав. Они нравились ей больше всех, и тем лучше, ведь из-за мизерного дохода им с сестрой редко удавалось позволить себе даже мясо, не говоря уже об изумительных розах, пышных пионах и лилиях, от аромата которых она чуть не теряла сознание, проходя мимо цветочной лавки. Позже ее сестра Фрэнсис, добавив воды и горстку зерна, приготовит из купленных овощей суп на ужин, в дополнение ко вчерашнему хлебу. С должной осмотрительностью они смогут растянуть нехитрое кушанье до конца недели.

Не обращая внимания на тянущее чувство голода, Мэри переворачивала цветы и так, и эдак в поисках наилучшего ракурса для солнечно-желтой мать-и-мачехи и ярко-лиловых диких фиалок. Она думала использовать эту противоположность цвета и формы в узоре, добавив еще несколько оттенков. Сначала она рисовала цветок, а затем составляла схему узора для вышивки на ткани. С иглой она управлялась не так хорошо, чтобы искать работу в этой области, да и оплата была совсем невысокой: семь пенсов за день, при этом вышивальщицы начинали трудиться на рассвете и порой не заканчивали до поздней ночи. Но так она могла показать, как узор мог выглядеть, вытканый на шелке. По крайней мере, она на это надеялась.

Это ее сестра Фрэнсис посоветовала Мэри обратить ее любовь к рисованию во что-то более доходное. Они жили на окраине ткацкого квартала, в самой дальней его части. На этих запутанных улочках почти в каждом доме на верхнем этаже находился ткацкий станок, за которым работал подмастерье или сам ткач, и воздух гудел от перестукивания и треска дни напролет, не стихая даже ночью. Там ткали шелка и дамаст с пышными броскими узорами из цветов, экзотических фруктов и листьев. Среди тканей встречалась и блестящая тафта, и рубчатый шелк, и плотные шелка в полоску; в самые дорогие из них вплеталась тонкая золотая или серебряная нити. Узорчатый шелк стоил вдвое дороже, чем простой однотонный: чтобы соткать такое, требовалось куда

больше навыков.

– Пара лишних шиллингов были бы для нас подарком судьбы, – сказала тогда Фрэнсис. – Не знаю, как мы сможем платить ренту в будущем году. – Она утверждала, что Мэри столь же талантлива, как и любой ткач, тем более что уже и рисует, и вышивает. – Бьюсь об заклад, только ты научишься – в мастерстве им с тобой не сравниться.

Создание узоров для ткани, как и многие другие интересные, да и более высокооплачиваемые занятия, обычно были, как казалось Мэри, прерогативой мужчин. Художники по тканям, ткачи и торговцы шелком вели себя как любовники, собственнически защищая свою работу и близко не подпуская к ней чужаков. За последние десятилетия была только одна женщина, сумевшая пробиться в этой среде, легендарная Анна Мария Гартуэйт, но ее уже пять лет как не было в живых. Мэри мечтала однажды занять ее место.

Сестрам повезло, что покойный муж Фрэнсис, Сэмюэль, работал у ткача, так что у них были друзья среди этого сонма ремесленников, заполнявших все окрестные улицы. Фрэнсис обратилась к одному из них, Гаю Ле Мэтру, гугеноту, чей отец бежал из Лиона от преследований, и попросила посвятить их в тайны ткачества. Однажды утром он привел их к себе на чердак – светлую комнату под скатами крыши с длинными окнами в наклонных стенах. Там он продемонстрировал им работу рамных шнуров и батана³, иглоков на

---

³ **Батан** – один из основных механизмов ткацкого станка, обеспечивает пра-

направляющих пружинах, показал, как укладываются поперечные и основные нити, используя в качестве шаблона узор на квадратике бумаги.

— У нас челнок роликовый, — рассказал он, указывая на ручной ткацкий станок и небольшой предмет на колесиках, формирующий двусторонний узор. — Теперь можно ткать полотно шире, чем размах руки. Большая экономия.

Мэри кивнула, одурманенная сухим насыщенным запахом мотков шелковых нитей и молниеносными движениями челнока.

— Но это не столько ткачество, сколько тонкая вышивка, — заметила она, осторожно подходя ближе к станку. — Как это возможно?

— Детали, — пояснил мастер. — Самые затейливые узоры можно и несколько недель устанавливать.

Мэри непонимающе нахмурилась, но по мере объяснений кивнула.

— Этот конкретный узор, видите, на ткани повторяется часто, будь то жилет или бальное платье.

По всей комнате были расставлены бобины шелков самых разных насыщенных цветов: ярко-желтых, точно лютики, малиновых, как цветы шиповника, персиковых, алых и пурпурно-голубых, в точности как лепестки ириса, и Мэри залюбовалась.

— Если деталей больше, узор смотрится как живой, но и

ошибку допустить легче, ту же нить уронить. Поэтому нужен баланс, – пояснил он. – При составлении рисунка необходимо иметь представление о геометрии и пропорциях, как и об искусстве.

– А сколько ткани одного узора вы делаете? – спросила Мэри, хотя Фрэнсис, молча стоявшая рядом, уже успела многое рассказать ей о том, как все устроено. Мэри уже выбрала тактику, решив польстить самолюбию месье Ле Мэтра, его чувству собственной значимости, чтобы он стал общительнее.

– Обычно всего наряда на четыре, столько, сколько заказал торговец и сколько он может продать. На каждое платье уйдет от девяти до шестнадцати ярдов⁴ ткани.

– Получается, всего от тридцати до шестидесяти ярдов одного узора, – быстро посчитав в уме, подвела итог Мэри.

Мастер в удивлении вытаращился на нее, не ожидавший такой быстрой реакции, но уже через секунду лицо его приняло прежнее непреклонное замкнутое выражение.

– А сколько времени на это уходит?

– Несколько месяцев.

– Понимаю, ни одна леди не захочет увидеть на ком-то такое же платье, – пробормотала Мэри. – И цена оправданно высокая.

– Именно так.

– А кто решает, какие будут цвета? И узор? Как вообще

---

⁴ 1 ярд – 91,44 см.

выбирается схема?

— Иногда ткач заказывает орнамент у художника, в других случаях торговец делает заказ и решает, какая ткань нужна. Должен, однако, признать, — проворчал он, — что порой художник не имеет ни малейшего представления о наших станках, что можно на них выткать, а что нет, и порой нам приходилось останавливать работу и ждать, пока не поменяют весь рисунок. Иногда даже весь заказ шел в утиль.

— Могу представить, сколько это стоило времени и материалов, — согласилась Мэри.

Гай кивнул, с виду такой же невозмутимый, несмотря на все ее расспросы.

— Торговец дает нам заказ, хотя можно выткать отрез и надеяться самим найти покупателя, — продолжил он. — Простаивать станок не должен.

— Наверное, непросто перенести рисунок в схему, да? — спросила Мэри.

— Это поначалу, — признал он. — Но вот, поглядите на эту саржу...

Тем вечером Мэри вышла из дома ткача с кружащейся головой, представляя, как она может превратить свои наброски трав и полевых цветов в узоры, которые когда-нибудь будут украшать наряды знатных дам и господ, возможно, даже королевских кровей, замечталась она.

Все часы Мэри теперь проводила над рисунками, с каран-

дашом и красками, пока огарки свечей уже не расплывались в лужицах воска, пальцы не немели и перед глазами все не расплывалось. Она рисовала примулы и крокусы, а потом, когда весна уступила место лету – васильки, наперстянки и лесной купырь. Затем Мэри переводила узоры на ткань, вышивала, пока они не начинали казаться объемными, и потом уже пыталась рисовать схему на канвовой бумаге, как показывал Гай, которую ткач смог бы использовать как лекало. Первые попытки закончились разочарованием: ей никак не удавалось перенести завитки на схему, но она не сдавалась, наконец создав несколько вариантов, которые могли подойти.

– Очень живой и милый рисунок, – похвалила Фрэнсис, когда Мэри показала ей папку с работами. – Я была бы рада надеть платье с таким изящным узором, очень красивые цветы.

– Но они так отличаются от работ других, – с сомнением протянула Мэри, неожиданно задумавшись, не потратила ли она время впустую с настолько простыми растениями. Вдруг на роскошном шелке они будут смотреться смешно, как и в виде рельефного узора на дамасте, вытканные золотом и серебром? Цветы с обочины дорог и тропинок, которые все пренебрежительно считают сорняками? В высшем обществе господствовала мода на более броские цветы: розы, лилии, камелии и тому подобное. Нет, строго напомнила себе она, ее тщательно собранные полевые по-своему прекрасны. Она

убедит мастеров выткать ее узоры.

— Моя работа будет выделяться своей оригинальностью, — решительно объявила она.

— Очень надеюсь, что ты права, — вздохнула Фрэнсис все с тем же обеспокоенным выражением. — У нас осталось всего несколько фунтов, надолго их не хватит.

Мэри не могла позволить мысли о деньгах отвлечь ее от цели: подготовить папку с набросками и схемами, которые можно выткать на шелке. Как красиво такие наряды смотрелись бы на леди и джентльменах из высшего общества!

Только уже перед рассветом сомнения начинали терзать ее кипящий разум, не давая уснуть, а там уже и с мелодичным щебетанием первых птиц начался новый день. Кто она такая — старая дева, получившая образование в доме священника, — чтобы думать, будто сможет пробиться в мире мужчин, не говоря уже о том, чтобы преуспеть?

Глава 6

Сейчас

Тея не сразу вспомнила, где находится. Плохо понимая, что происходит, она дотянулась до очков и неуверенно выбралась из кровати. Пошатываясь, дошла до окна, раздернула занавески и выглянула на улицу, плавно извивающуюся по холму. В сером утреннем свете виднелись очертания крыш Оксли-колледжа, а за ними зеленели площадки для игр. По другую сторону улицы тяжело прогрохотали несколько грузовиков, скрипя тормозами на ведущем к подбрюшью города спуске.

Когда ночью выключилось электричество, Тея уже собиралась ощупью спуститься вниз, но тогда свет снова загорелся – и вновь погас, и так несколько раз, пока наконец напряжение не стабилизировалось. Списав все на сомнительную проводку старого дома, а пробирающийся до мурашек скрип – на запертую внутри кошку, ей все же не удалось избавиться от тревожного ощущения. Поэтому, несмотря на тяжелый день и крайнюю усталость, уснула она не сразу.

Отойдя от окна, Тея взглянула на часы: до встречи с директором еще полно времени. Найдя телефон, она нажала

на кнопку включения, но экран решительно не хотел оживать. Тея проверила зарядку и провод: ничего. Может, розетка не работала или ночью снова отключали электричество? Она выругалась про себя: надо было проверить почту – еще не хватало пропустить что-то в первый же день. По дороге в душ ей попался на глаза комок одежды в углу комнаты, в котором Тея узнала куртку, хотя могла поклясться, что повесила ее за дверь. Должно быть, вчера она устала больше, чем ожидала. На полу рядом валялась обертка из-под шоколадки, все-таки не попавшая в мусорную корзину, и Тея решила, что после душа первым делом позавтракает, желательно не в компании дамы Хикс. Перед встречей с этой загадочной женщиной ей нужно было подкрепиться.

Кухня оказалась большой, чистой до стерильности и, к счастью, пустой. Часы на стене показывали без четверти двенадцать – они давно остановились, даже проверять не нужно. Тея огляделась в поисках батареек; хотя, вероятно, следить за часами было обязанностью дамы Хикс.

Тея прошла до конца кухни, туда, где короткий коридор вел к черному ходу, и выглянула в сад: тесноватый и вытянутый в длину, он был обнесен по периметру высокой каменной оградой. В центре разместился цветник, вычурно разделенный на части старыми кирпичами и подрезанной живой изгородью: вероятно, аптекарский огород или сад-лаби-

ринт⁵. За ним находился прудик с рыбками. Тея какое-то время смотрела на клумбу, и только через несколько секунд мозг догнал зрение: знакомая фигура, пентаграмма, такая же, как и на тех ключах, что дал ей мистер Баттл. Ветер разбросал по сырой траве остатки листьев, на холодном утреннем воздухе было зябко, и Тея обхватила себя руками.

Вернувшись обратно в тепло кухни, она заглянула в ящики и шкафчики, батареек для остановившихся часов не нашла, зато обнаружила чай, хлеб, джем и разнообразные крупы в картонных упаковках. Два больших холодильника были щедро заполнены припасами, в том числе маслом, молоком, сыром и овощами. В буфетах полки прогибались под тяжестью чашек и тарелок, а столовые приборы были аккуратно разложены в длинном ящике сбоку. Воспрянув духом, Тея поджарила себе хлеб и вскипятила чайник на плите, а затем устроилась в конце одного из двух длинных дубовых столов, греясь в солнечных лучах, заливавших столовую сквозь эркеры.

Только она откусила первый кусочек тоста, как открылась дверь. В дневном свете дама Хикс выглядела не так устрашающе, на ней была похожая на вчерашнюю блузка, но в этот раз с орнаментом из красных ягод. Для первого рабочего дня Тея выбрала серые брюки мужского покроя и простую рубашку и даже добавила непривычный штрих – помаду, но

---

⁵ Knot garden – цветник с регулярно разбитыми клумбами четкой формы, как правило, с ароматными травами.

все же по сравнению с нарядом пожилой женщины ее костюм казался мрачноватым. Отложив тост и поспешно проглотив кусок, Тея пожелала ей доброго утра. Нет уж, она не даст себя запугать.

Тишина затягивалась. Тея заметила у дамы Хикс необычную оловянную брошь на воротничке под горлом, круглую, с узором из стрел, почти как на ключах. Заинтригованная, она уже хотела спросить про ее историю, так как брошь казалась старинной, но прикусила язык. Выражение лица настоятельницы не располагало к расспросам, хотя по сравнению со вчерашним голос ее звучал уже мягче:

– Полагаю, вы отдохнули.

– Да, благодарю, я спала как убитая.

Дама Хикс бросила на нее быстрый взгляд:

– Вероятно, до приезда девочек мы могли бы обсудить управление домом и наши обязанности?

Тея кивнула.

– Может, в одиннадцать?

Женщина кивнула в ответ:

– Мне надо проследить за доставкой провизии, персонал на кухню прибудет после ланча, так что времени все проверить будет достаточно. – С этими словами она вышла из комнаты, оставив Тею завтракать.

Уже убирая посуду, Тея услышала скрип двери и последовавший за ним пронзительный мявк. Исида. Кошка тут же начала тереться об ее ноги, выписывая восьмерки вокруг

щиколоток. Судя по всему, она, как и дама Хикс, с утра была в гораздо более дружелюбном настроении. Тея наклонилась погладить ее и была вознаграждена раскатистым мурлыканьем.

– Ну что, это ты орала прошлой ночью? Что там случилось? – тихонько и ласково спросила она, оглядываясь, нет ли на полу кошачьей миски. – Лучше мне тебя не кормить, – прошептала она. – А то нарвусь на неприятности в первый же рабочий день.

Она взглянула на часы: восемь тридцать. Куча времени побродить по окрестностям – в первый свой приезд у нее не было возможности осмотреться, тогда после собеседования она спешила на автобус, надо было успеть на поезд, и теперь ей не терпелось погулять по городу. В конце концов, именно по этим улицам ее отец так часто ходил еще мальчиком, боролся за победу на этих футбольных полях, играл в театре, жил в одном из особняков колледжа. Они с сестрой слушали его рассказы о том, как морозным зимним утром он успевал пробежать восемь километров и принять холодный душ до завтрака, как его до крови били по рукам деревянной линейкой за малейший проступок. О том, какие замечательные это были годы, одни из лучших в жизни.

Отец описывал им и рынок, открывавшийся два раза в неделю прямо посреди широкой главной улицы города: «Третьей по ширине в Англии, – убеждал он. – Специально задуманной так, чтобы могла развернуться карета с шестер-

кой лошадей». Он описывал незнакомую им с сестрой еду: пряные пироги со свиной, яйца по-шотландски размером с голову ребенка, кексы на сале, усыпанные смородиной и апельсиновой цедрой.

Поглощенная воспоминаниями, Тея вышла из дома прямо на центральную часть улицы и всего через пару метров заметила булочника, чей прилавок ломился от кишей и тартов, эмпанадас и да, яиц по-шотландски и пирогов со свиной. Она не могла сдержать улыбку, и если бы не завтрак, еще и с добавкой, шансы поддаться соблазну были бы велики.

Пару минут спустя, проходя через арку к территории колледжа, она заметила других женщин и мужчин разных возрастов и комплекции, спешащих к главному дому. Ее внимание привлекла женщина в летящей юбке, перехваченной широким поясом, и в яркой красно-оранжевой, как мандарин, блузке, которая уверенным широким шагом шла по дороге с пачкой бумаг под мышкой.

– А я и не поняла, что мы все будем на собрании, – окликнула ее Тея, узнав коллегу по гуманитарным наукам, Клэр МакГаверн, которая водила ее по школе перед собеседованием.

– О, привет! – искренне обрадовалась Клэр. – Да, мы все получаем приглашения на собрание в первый день семестра. Ну, вообще-то первый день завтра, но ты поняла. В любом случае добро пожаловать! Не скрою, я очень рада, что ты получила эту работу, ты бы видела других претенденток! – по-

низив голос, поделилась она, наморщив нос, будто унюхала что-то особенно неприятное. Тея не могла не рассмеяться. Возможно, школа окажется не такой пугающей, как поначалу показалось.

— До сих пор не уверена, что готова к этому, — призналась она шепотом.

— Не волнуйся, в наше время никакого битья, травли и содомии — говорят, что, если учитель поднимет указку выше плеча, его оштрафуют. Думаю, это все-таки выдумка, — подмигнула ей Клэр, говоря быстро, под стать походке. — Пойдем, — поторопила она, чуть притормаживая, чтобы Тея могла ее догнать. — Директор терпеть не может, когда опаздывают.

Повезло, что кабинет директора был большим, так как Тея с Клэр оказались в числе последних, и они еле поместились в комнате, где уже собралось больше десятка коллег. Зал гудел, присутствующие обменивались новостями после долгих летних каникул, но вскоре с появлением директора Фокса гул стих. Тее пришлось вытянуть шею, чтобы рассмотреть его за головами впереди стоящих. Для директора такой школы он был достаточно молод, лет сорока пяти, а улыбка его словно освещала комнату, и охватившее Тею дурное предчувствие немного ослабло.

Полгода назад Тея и не думала искать новую работу, не то что переезжать из Мельбурна, да и вообще из Австралии. Она преподавала в государственной школе в предме-

стях города. Школа была прогрессивной и мультикультурной, и несмотря на прискорбную нехватку финансирования, ограниченные ресурсы и постоянные интриги в учительской, Тея любила свою работу. Но возможность приехать и работать здесь притягивала ее как магнит. Независимо от того, что здесь учился ее отец, Тея считала, что Оксли-колледж идеально подходит ей для продолжения исследований и получения степени доктора наук. Недолго думая, она подала заявление через сайт, а через месяц или позже с удивлением получила приглашение на собеседование и тут же забронировала билеты в Англию.

– Доброе утро, коллеги, – обратился к собравшимся директор Фокс, прервав ее размышления. – Очень рад приветствовать вас в этот чудесный день, в столятидесятилетнюю годовщину Оксли-колледжа, и мне не терпится поделиться с вами планами предстоящего празднования.

Тея с трудом переварила фразу про «столятидесятилетнюю годовщину», но почти все в комнате согласно кивали, будто это что-то очевидное.

– Однако прежде всего хочу горячо поприветствовать наших новых сотрудников. Может, вы поднимете руку, чтобы все увидели?

Робко вытянув руку вверх и украдкой оглядевшись, Тея с облегчением увидела еще три таких же руки: очевидно, она была не единственным новичком. Руки опустились, и Тея заметила коренастого мужчину в нескольких метрах сбоку,

чьи ярко-рыжие волосы маяком светили среди моря каштановых и русых волос. Широкоплечий, с узкими бедрами и крепкой фигурой, он явно занимался спортом – она бы поставила на регби. Мужчина перехватил ее взгляд, и Тея, поспешно отвернувшись обратно к директору, все же успела увидеть, что глаза у него яркие и обезоруживающе-голубые.

– Итак, отлично, – продолжал тем временем директор. – Как вы все прекрасно знаете, это знаменательный день. Впервые за все сто пятьдесят лет истории нашей школы мы приветствуем в этих стенах учениц.

По залу пробежали шепотки.

– Без сомнения, нам всем понадобится какое-то время, чтобы привыкнуть к изменениям, но я ожидаю, что каждый из вас приложит все усилия, чтобы четырнадцать наших новых учениц старшей школы чувствовали себя как дома.

Еще шепотки, в этот раз громче. Тея заметила выражение лица одного из учителей постарше: он не выглядел особо довольным, и она расслышала несколько слов: «... женщины... перевернут все вверх дном...» и «... в голове не укладывается». Другой проворчал: «Когда же это кончится? Потом у нас будет директриса вместо директора», что вызвало приглушенные смешки.

Тея моргнула, но постаралась сохранить нейтральное выражение лица. Они вообще в каком веке живут? И все же она не удивилась. Естественно, что эти сварливые старики будут сопротивляться изменениям, а поток женщин и девушек

для них оказался настоящим землетрясением, иначе не скажешь. Рыжеволосый преподаватель с пронзительным взглядом вновь посмотрел в ее сторону, подняв брови и закатив глаза от такой реакции других.

– Пора бы колледжу шагнуть в двадцать первый век, – прошептала ей на ухо оказавшаяся рядом Клэр.

– Кто это? – тихонько спросила Тея, покосившись в сторону мужчины с глазами-незабудками.

– Гарет Поуп, – проследив за ее взглядом, ответила Клэр. – Физкультура.

– Точно. – Имя оказалось знакомым, им предстояло вместе тренировать хоккейные команды старшекурсников.

Голос директора перекрывал шепотки и бормотание, он описывал достижения прошлого года и ожидания от нынешнего. Уровню успеваемости в колледже уделялось особое внимание, вступительный экзамен считался одним из самых строгих в Англии, но даже Тея была поражена, услышав о количестве оценок «пять с плюсом». Когда директор Фокс отметил также достижения в музыке, рисовании и драматургии, она задумалась, как же ученики справляются с таким давлением и что случается с теми, кто терпит неудачу. Она мельком подумала о ребятах, закончивших эту школу, чей характер, хорошо это или плохо, сформировался здесь: среди выпускников были министры, ученые и исследователи, как и те, кто вел жизнь хоть и более простую, но не менее полезную. Но были также и те, кто сломался под тяжестью

этих ожиданий, бесконечного сравнения с теми, кто поднялся выше, добился большего. Такая школа, как Оксли, на всю жизнь накладывала отпечаток, Тея прекрасно знала – отец часто упоминал об этом. Однако долго размышлять о судьбах учеников она не могла, так как директор уже завершил свою речь и кто-то открыл двери, выпуская всех. Тея повернулась вслед за остальными, но тут кто-то коснулся ее локтя.

– Будьте любезны, мисс Раст, задержитесь на минутку.

Глава 7

Сейчас

Директор Фокс. Тея не видела, как он подошел, продвигаясь к выходу вместе с остальными, но он, стоя совсем рядом, ждал ее:

– Я бы хотел с вами поговорить, если вы не возражаете.

– Конечно, – кивнула Тея.

Она отступила, пропуская остальных. Клэр выходила последней, вопросительно взглянув на Тею. Та помахала коллеге, беззвучно произнеся: «Увидимся позже», а затем вернулась к директору.

– Как вы устроились? – спросил он, когда все вышли, и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Что касается несчастного случая с миссис Джексон... очень затруднительная ситуация, мягко говоря.

– В самом деле, – согласилась Тея.

– Ваше отсутствие опыта в данной сфере вызывает определенную обеспокоенность, но мы в довольно трудном положении, так как за такой короткий срок найти замену было невозможно. Вам нужно будет продержаться половину семестра максимум.

Тея кивнула, изо всех сил пытаясь показать, что она справится. Всего-то несколько недель, конечно, у нее получится присмотреть за девушками. Так или иначе, выбора ей никто не давал.

– Оксли-колледж гордится своими выдающимися спортивными достижениями не меньше, чем научными. Мы считаем наиболее выигрышным подход «Сильной тройки»: единство науки, искусства и спорта, – продолжал директор. – Уверен, вы не удивитесь, узнав, что получили эту должность в том числе благодаря вашей компетентности в области спорта, – ободряюще улыбнулся он.

Тея знала, что ее выбрали из других кандидатов не только благодаря опыту работы учителем истории. Студенткой она выступала в составе хоккейной сборной Австралии, хотя тому минуло уже десять лет, а в последнее время работала тренером юниорской сборной штата, не говоря уже о том, что ее отец был выпускником колледжа.

То же самое касалось и новых учениц, уже через несколько часов прибывающих в школу: они никоим образом не были простыми студентками. Все старшеклассницы, шестнадцати и семнадцати лет, были отобраны по их результатам и способностям в учебе и спорте, также учитывалась их связь с колледжем: у многих здесь учились братья или отцы. И хотя поначалу Тея испытывала двойственные чувства от того, что ей придется преподавать у таких привилегированных учеников – ведь она могла бы помочь тем, кто в этом больше нуж-

дался, – все же место в Оксли отвечало и другой, более эгоистичной цели.

– Разумеется, ваша учебная нагрузка в связи с новыми обязанностями сократится, – заметил он. – Ваше расписание уже изменили в соответствии с данными обстоятельствами. – Директор говорил более официальным тоном, чем ожидала Тея, но улыбнулся ей с теплотой. – Не могу в достаточной мере описать, насколько важно, чтобы девушки хорошо устроились на новом месте. От этого зависит будущее Оксли-колледжа. И ваша роль в этом решающая. Как вам будет известно, среди новых учениц и моя дочь Сабрина.

Конечно же, Сабрина Фокс. До этого Тея не провела параллели.

– Я все поняла, директор.

– Если у вас будут какие-то проблемы, любые – пожалуйста, приходите сразу ко мне.

Директор продолжал говорить, а Тея тем временем разглядывала кабинет, заметив теперь, что на дубовых панелях стен значатся имена и даты. Самые ранние насчитывали сто пятьдесят лет, время, когда в ее страну еще выселяли воров и негодяев.

Это были имена выпускников Оксбриджа⁶, ученых и стипендиатов, а затем список всех старост. Пробежав глазами выведенный золотом список, она остановилась на одной из

---

⁶ **Оксбридж** – Оксфорд и Кембридж, привилегированные высшие учебные заведения.

строчек: «1970 г., Раст, Генри».

Тее до сих пор не верилось, что она здесь. Стоит там же, где когда-то стоял ее отец, буквально идет по его стопам пятьдесят лет спустя. Возможно, она даже будет преподавать в той же классной комнате, где он когда-то сидел за партой, обедать, где и он, за тем же длинным обеденным столом, который она углядела в столовой колледжа. Вряд ли что-то из этого поменялось. Даже сам возраст здания не укладывался в голове.

– У вас есть какие-то вопросы, мисс Раст? – привлек ее внимание директор Фокс.

– Нет, никаких, спасибо. Уверена, все будет хорошо, – завила Тея.

– Прекрасно. Не сомневаюсь, вы не ударите в грязь лицом. – Помедлив, он посмотрел на нее с некоторой печалью. – Сожалею о вашем отце. Не имел удовольствия познакомиться с ним, но все говорят, что он был великим человеком. Гордостью Оксли.

– Благодарю, – покраснев, ответила Тея. – Я лишь надеюсь, что не подведу его.

Она заставила себя не думать о похоронах отца, о смятении чувств и всепоглощающем горе.

– Что ж, вам лучше поспешить, – кашлянул директор. – Девушки придут вместе с другими учениками после полудня, не сомневаюсь, у вас масса дел.

– Мисс Раст, я думала, мы договорились на одиннадцать? – Дама Хикс стояла в тени за дверным проемом, будто дозорный.

Тея, спешившая как могла, взглянула на часы: пять минут двенадцатого.

– Меня задержал директор, – объяснила она, отказываясь извиняться за что-то от нее не зависящее.

– Что ж, пойдёмте, нам надо многое успеть до приезда девочек.

Они дошли до столовой и сели. Неслышно прокрадываясь в комнату Исида начала тереться о ноги дамы Хикс, мурлыча, как трактор.

– Будильник выставлен на семь утра; вы, должно быть, заметили эти приборы в каждой комнате, их мы используем для всех объявлений. Затем в семь тридцать завтрак... – Дама продолжила рассказывать о расписании уроков, спортивных занятиях после полудня, факультативах и мероприятиях выходного дня. Тея забеспокоилась, вдруг от нее ожидали, что она запомнит все так сразу, и пожалела, что не стала записывать.

– Какие-нибудь вопросы?

Тея покачала головой. Она не сомневалась, что разберётся в остальном самостоятельно.

– Надеюсь, если возникнет такая необходимость, вы обратитесь ко мне. – Голос настоятельницы слегка смягчился, уголки губ приподнялись в улыбке. – На вас ляжет переписка

с родителями, связь с учителями девушек, вы также будете следить за их обучением, и именно к вам они в первую очередь будут обращаться со всеми вопросами, будь то по учебе или личного характера.

– Директор Фокс немного объяснил мне задачу, все очень разумно, – заметила Тея, пытаясь не поддаваться унынию.

Дама Хикс кивнула.

– Что ж, есть ли у вас вопросы о самих девушках?

Тея вкратце изучила документы, которые ей оставили: к каждой папке была прикреплена фотография вместе с результатами последних экзаменов, успехами в других областях и характеристиками из прежних школ. Все ученицы без исключения были отличницами. Яркие, спортивные, с персиковой кожей, говорящей о молодости и хорошем питании, с сожалением подумала Тея, помня о своем загорелом и обветренном, в веснушках лице. Особенно выделялись три девушки: Морган, вместе с братом-близнецом оказавшаяся уже шестым поколением Эддингтон-Клэев, обучавшихся в Оксли-колледже; Арадия Бьянки, темноволосая итальянка, которая, кроме практически безупречных оценок за экзамены, свободно говорила на трех языках, и Сабрина Фокс, чей отец случайно оказался директором, как теперь знала Тея. Морган, Арадия и Сабрина до перехода в Оксли последние пять лет учились в одной школе для девочек. Они втроем и еще одна ученица, Фенелла Уилдэш, выбрали историю, и Тея была довольна, что ее назначили руководителем их группы.

– Я прочитала отчеты, – сообщила Тея. – Есть что-то еще?

– В общем-то нет. Как я понимаю, вы также продолжите собственное исследование, пока вы здесь, – заметила дама Хикс.

– Верно, – откликнулась Тея, про себя удивившись, как она-то об этом узнала. Может, настоятельнице тоже дали такое же досье на Тею. – В основном на каникулах. Меня интересует идеология гонений, в частности охота на ведьм в шестнадцатом и семнадцатом веках в Англии. – Диплом она также писала по этой теме и прекрасно знала, что Уилтширу и Гровели-Вуд в частности досталась своя доля несчастных, в основном старых и бедных женщин, обвиненных в колдовстве и повешенных или утопленных из-за клеветы и подозрений. Главным образом они были в роли козла отпущения, их винули за неурожай и болезни, и Тее не терпелось узнать о менее известных случаях и выбрать основное направление своего исследования.

– Так вы верите в магию?

Какой странный вопрос.

– Вовсе нет. Эти женщины, вероятно, обладали определенными знаниями и способностями, но сверхъестественной силой? Все это были голословные обвинения людей, которые боялись того, чего не могли понять или объяснить.

– Бесспорно. – Пожилая женщина помедлила, будто собираясь что-то рассказать Тее, но вдруг неожиданно ласково произнесла: – Что ж, уверена, в этих краях вы найдете мно-

го интересного для себя. А теперь, так как в курс дела я вас ввела, можем прерваться. — Она встала и вышла из комнаты, и Исида следом за ней, с хвостом, поднятым вопросительным знаком.

Неужели она откусила кусок больше, чем может прожевать? Тея не сомневалась в своих способностях преподавателя, но стать воспитательницей четырнадцати девушек, пусть даже временно, и руководить домом — совсем другое дело. И тем не менее Тея всегда принимала вызов, не отступая. Ее отец об этом позаботился.

Глава 8

Сентябрь, 1768 год, Оксли

Роуэн будто только прилегла, а Пруденс уже будила ее. Вдохнув успокаивающий аромат корицы и мускатного ореха, перебиваемый неприятным запахом алкоголя, она сразу все вспомнила.

– Ну же, девочка, нерях в этом доме я не потерплю. Умойся и одевайся как можно скорее. Почистишь камин в столовой, гостиной и малой гостиной, а потом растопишь их. Где взять дрова и растопку, я покажу. Ты же умеешь разжигать огонь?

«Лучше, чем некоторые в этом доме», – подумала Роуэн.

Протерев глаза, она заморгала в тусклом свете тонкой свечи в руках Пруденс. В комнате не было никаких признаков второй горничной, Элис. Другая сторона кровати выглядела так, будто в ней вовсе не спали: и простыни туго натянуты, и тонкая подушка не примята, но Роуэн казалось, что она коснулась кого-то, переворачиваясь во сне.

– Да, конечно, – уже проснувшись, сказала она.

– Отлично. Тогда, пожалуйста, начни с занавесок и распахни ставни внизу. Вставай, время не ждет.

Роуэн отбросила одеяло, тут же вздрогнув от холода, прогнавшего последние следы дремоты. Она быстро надела запасное платье, собрала волосы под чепец и завязала передник, который Пруденс положила в ногах кровати.

«Смотри, чтоб волосы были прикрыты, — предупредила ее Пруденс накануне. — Такому золоту в доме госпожа не обрадуется».

Роуэн не нужно было повторять дважды.

Пройдя мимо главной лестницы, Роуэн замерла на мгновение, чтобы провести пальцем по большому желудю: такие украшали каждую балясину перил, и она с восхищением разглядывала, с какой тщательностью они были вырезаны — настолько искусной работы она прежде не видела. Заслышав какой-то шум в отдалении и испугавшись, как бы ее не отчитали за медлительность, она поспешила в столовую.

В душной комнате висел тяжелый запах табака; стоило распахнуть ставни, как рубиновая жидкость в бокалах и блестящий бок пустой бутылки заискрились в лучах поднимающегося солнца. Другая бутылка, тоже пустая, лежала на столике для закусок рядом с брошенной глиняной трубкой, повсюду рассыпался пепел. На кушетке в беспорядке валялись карты, точно кто-то в отвращении отшвырнул всю колоду.

Роуэн вымела золу из камина и вычистила его до блеска. Готовясь разжечь огонь, она старательно выбирала самые сухие поленья и клала их на железную подставку в очаге так, чтобы обеспечить тягу. Поднеся свечу к щепкам, она подо-

ждала, пока те загорятся, а затем взялась за лежавшие рядом с камином мехи, кашляя от дыма, но радуясь постепенно согревающему комнату теплу.

Убедившись, что дрова занялись хорошо, она перешла в малую гостиную, где накануне встретилась с хозяйкой дома, и все повторилось; разве что камин в этой комнате был каменный, и не пришлось тратить столько времени на полировку металла черной пастой. Затем Роуэн направилась в столовую, где прежде всего подняла каскадные занавеси с фестонами: пришлось звать Пруденс, сама бы она не разобралась – так много ткани, воланов и оборок, что глазам не верилось. Опустившись на колени, чтобы скатать каминный коврик, она заметила что-то маленькое в темном углу комнаты. Поднеся предмет к уху и расслышав слабый звук сухих бобов, она поняла, что это детская погремушка. Металл почернел и потускнел, да и вообще – странно, ведь детей в доме нет, подумала она, откладывая погремушку на столик, чтобы отполировать позже.

Выполнив все поручения, Роуэн вернулась в кухню, где Пруденс у печи помещивала что-то в большом горшке, а со шкворчащей рядом сковороды доносился запах подкопченной рыбы.

– Иди, девочка, садись, сейчас будет завтрак, – позвала Пруденс. – Роуэн, это Элис. Элис Пикен.

Сидящая за столом девушка была на год или два старше Роуэн; перед ней уже стояла миска, из которой она автома-

тическим движением зачерпывала кашу.

Если бы не нахмуренные брови, ее можно было бы назвать хорошенькой: пухленькие губы на идеально-овальном личике и фиалкового цвета глаза, обрамленные густыми черными ресницами. Из-под льняного чепчика выбивались темные кудри, руки у нее были изящные и красивые. Роуэн вдруг почувствовала себя неотесанной и плохо одетой рядом с ней, как уэльский горный пони по сравнению с ухоженной господской кобылкой.

Элис отнюдь не была рада ее видеть, и кислый вид резко контрастировал с милыми чертами лица. Роуэн осторожно кивнула и села за стол чуть дальше. Слегка наклонив голову в ответ, Элис на мгновение задержала взгляд на шраме Роуэн, а затем вернулась к каше.

Пруденс поставила на стол исходящую паром тарелку.

– Это мне? – спросила Роуэн.

– Ну, Элис свою порцию уже получила, – снисходительно хмыкнула кухарка, и Роуэн не удержалась, улыбаясь краешком рта. Она никогда не видела столько еды для одного человека и, хотя поужинала хорошо, вновь проснувшегося аппетита ничуть не удивилась. Голод был постоянным ее спутником, сколько она себя помнила, а ощущение сытости – новым непривычным ощущением.

Пока Пруденс вышла из кухни в прачечную, Роуэн решила воспользоваться шансом и попробовать наладить отношения с Элис.

– Ты давно здесь? – спросила она.

– Достаточно, – с набитым ртом ответила Элис, бросив на нее сердитый взгляд, и Роуэн задумалась, чем она могла так разозлить девушку.

– Это хороший дом? – еще раз попыталась она.

– Зависит от того, что ты имеешь в виду, – был ответ.

– Они добрые? Хозяин с хозяйкой?

Элис, судя по всему, призадумалась, а затем насмешливо фыркнула:

– Ты ожидаешь доброты? Ты и правда деревенщина.

Роуэн оставила бесплодные попытки завязать разговор и вернулась к еде, одновременно разглядывая обстановку. Солнце теперь светило в окно, выходящее на окруженный оградой сад. Там, по всей видимости, росла уйма всего, хотя с такого расстояния Роуэн не могла определить, что именно. Если ей только удастся выкроить пару минут, она сможет все как следует изучить.

Пруденс продолжала суетиться на кухне, а когда они выскребли все до последней крошки, отправила Роуэн сервировать завтрак в столовой. Со всей осторожностью она пронесла блюда по тускло освещенному коридору, изо всех сил стараясь не оступиться и не поскользнуться, и с облегчением поставила поднос на сервировочный столик. Оловянная посуда лишь слегка задребезжала при соприкосновении с деревом, зато сама Роуэн чуть не врезалась в своего нового хозяина, практически влетевшего в комнату.

– Это копченой рыбой пахнет? – Он поднял крышку с дальнего блюда и заглянул внутрь.

Роуэн смогла только смущенно пробормотать: «С добрым утром, сэр», но Патрик Холландер уже не обращал внимания ни на что, кроме еды.

Она поспешила в кухню, заметив, как Элис скрывается в прачечной. Пруденс уже возилась с мукой, облачками клубившейся в кухне, замешивая и растягивая тесто.

– Пруденс? – опасливо позвала Роуэн, не зная, не вызовет ли вопрос больше проблем, чем того стоит.

– Да?

– За что Элис так ополчилась на меня?

– Не обращай внимания, – с щербатой улыбкой ответила Пруденс. – Она считает, что прислуживать хозяину почетнее и что она лучше простой деревенской девушки. И не слишком-то обрадовалась, узнав, что на это место взяли тебя, а не ее.

– Понятно, – откликнулась Роуэн. – Я лишь надеюсь, что она перестанет видеть во мне угрозу. – Но как ей перебороть неприязнь Элис? Ей очень не хотелось ни с кем ссориться.

– Дай ей время. Так, госпожа скоро спустится. Ступай в спальню хозяина, приведи все в порядок. Раздерни занавески, проветри постель, вынеси ночной горшок и наполни умывальник. Третья комната справа на втором этаже.

– Да, Пруденс.

– Когда сделаешь, подмети лестницу, протри до блеска

зеркала. Все необходимое в прачечной.

– Да, Пруденс.

– Ты скоро сама запомнишь, что надо делать, без моих указаний.

– Да, Пруденс.

Роуэн с тоской взглянула на сад. С изучением окрестностей придется подождать.

В тот же день, позже, миссис Холландер позвала ее подбросить дров в камин, а на улице началась какая-то суматоха. Подойдя к окну проверить, что за переполох, Роуэн увидела повозку прямо у дверей. Что-то очень большое и обернутое в холстину привязывали к доскам. Рядом уже останавливались любопытные прохожие, и тут на улице появился ее хозяин, жестами показывающий в сторону дома.

– И что там такое? – лениво спросила Кэролайн, не двигаясь с места.

– Не уверена, госпожа. Но оно ужасно большое.

– Мы ничего не заказывали. Это точно не шелк, его привозят из Лондона, и мы ждем поставку на будущей неделе. Ты уверена, что это к нам?

– Не знаю, мэм, но, похоже, хозяин дает какие-то указания. – Роуэн продолжила наблюдать: чем бы это ни было, добрая половина Оксли уже отложила все дела и собралась вокруг.

– Полагаю, мне тоже стоит взглянуть, – решила Кэро-

лайн. – Если мой супруг с этим как-то связан, я даже предположить не могу, что на нас свалилось. – Поднявшись с кушетки, она разгладила складки нежно-салатового платья, напомнимшего Роуэн только-только распутившийся листок, и присоединилась к ней у окна. Мистер Холландер, извозчик и несколько других мужчин, похоже, обсуждали, как лучше внести таинственный предмет в дом, указывая на второй этаж, даже, похоже, прямо на то окно, из которого Роуэн с хозяйкой наблюдали за ними.

– Они же не собираются нести это сюда? – спросила Кэрлайн, а затем едва слышно добавила: – Какого дьявола он в этот раз натворил?

Роуэн внимательно наблюдала за тем, как принесли две приставные лестницы, а извозчик достал что-то вроде большого шкива и длинный канат толщиной с ее руку. Они с другим мужчиной прислонили лестницы к стене, по обе стороны от эркера внизу, и вошли в дом. Роуэн слышала звук шагов на ступеньках, и вот они уже вошли в гостиную, вслед за ними – сам Патрик Холландер.

– Что за шум? – спросила Кэрлайн супруга. – Вы совсем потеряли рассудок?

Он обернулся к ней с выражением фокусника, придумавшего очередную хитрость: глаза его горели озорством.

– Терпение, моя дорогая, как только вы все увидите, будете в таком же восторге, как и я, даже не сомневаюсь.

Кэролин поджала красивые губки, и Роуэн явно видела,

что ее госпожа предвкушения своего мужа не разделяет.

— Подожду с решением, пока не узнаю, что вы такое приобрили, — ответила она. — Хотя сомневаюсь, что мы можем себе это позволить, — едва слышно добавила она.

— Ну тише, тише, мне повезло в карты, — отозвался мистер Холландер, широко улыбаясь супруге, становясь при этом похожим на проказливого мальчишку. — И не переживайте о таких вещах. Уверяю, вам понравится. — Отмахнувшись от ее обеспокоенного выражения, он замахал двоим мужчинам: — Поживее, давайте начинать.

Они двинулись вперед, и Роуэн с Кэролайн отступили, оставаясь молчаливыми зрительницами: Роуэн — с широко распахнутыми от любопытства глазами, Кэролайн — с еле заметным раздражением.

— Нужно открыть окна как можно шире, но, думаю, места достаточно, — сообщил извозчик.

Они принялись за работу: закрепили шкив, и, как только результат их устроил, перекинули через него канат. Один мужчина спустился вниз вместе с мистером Холландером, а второй остался наверху, обмотав веревку вокруг пояса и завязав. Снаружи доносились крики: понадобилось еще двое мужчин, которые вскоре появились в гостиной, где им так же велели держать веревку.

Роуэн встала с одной стороны окна, по-прежнему выглядывая на улицу, где ее хозяин с извозчиком крепили веревки к тем, что уже обхватывали непонятную глыбу. Затем

они взобрались на лестницы и принялись тащить ее вверх по стене дома, изо всех сил пытаясь удержать и не ударить о кирпичную кладку. Шум и крик стоял невообразимый, а от некоторых слов у Роуэн запылали уши – столько там было сквернословий.

Медленно-медленно сюрприз хозяина полз наверх, пока не поравнялся с окном. Еще больше людей с топотом ворвались в гостиную помогать, и теперь там яблоку было негде упасть. Кэролайн и Роуэн замороженно наблюдали за суетой, держась в отдалении, чтобы не мешать. Тяжело дыша, смахивая пот со лба, мужчины втащили гигантскую посылку внутрь и опустили на пол с глухим стуком, вслед за которым раздался тихий звон, как от натянутой струны.

– Великолепно! – взбежав по лестнице, обрадовался Патрик Холландер. За ним по пятам следовал невысокий смуглый мужчина, которого Роуэн прежде не видела. – Отличная работа!

Незнакомец принялся развязывать веревки и упаковку, что-то бормоча себе под нос. Поднялся и извозчик, неся еще такой же упакованный, но гораздо меньший по размеру предмет, который он опустил на пол рядом.

– А теперь все уходите, – скомандовал Патрик, вручая каждому мужчине по медной монетке. – Даже вы, моя дорогая, – обратился он к Кэролайн. – Хочу, чтобы вы увидели его, когда все уже будет идеально.

– Столько хлопот, в самом деле, – ответила она, закатывая

глаза, но все же с ноткой веселья в голосе. – Буду в своих комнатах.

Роуэн вышла следом за хозяйкой. Кэролайн свернула к главной лестнице, а Роуэн – к проходу для слуг, где и натолкнулась на притаившуюся в тени Пруденс.

– Как думаешь, что это? – спросила кухарка, глаза ее блеснули.

– Не представляю, – честно ответила Роуэн.

– Картина, наверное, – предположила Элис, луцшившая горюх за столом. – Хотя быюсь об заклад, что бы это ни было, ей не понравится, – пробормотала она, когда Пруденс отвернулась.

Роуэн поразил уничижительный тон девушки, но она промолчала, понимая, что пока еще новенькая в этом доме и ей только предстоит привыкнуть к ритму жизни и его особенностям. Два года в доме дяди и тети после смерти родителей научили ее, что эти особенности есть в каждом семействе, в той или иной форме.

– По размеру на картину непохоже, – тихонько произнесла она.

– Скоро увидим, – прекратила споры Пруденс. – А теперь хватит бездельничать, работа ждет.

Несколько часов спустя Патрик позвал всех домочадцев в гостиную на, как он важно выразился, «торжественное открытие». Роуэн, следом за Пруденс и Элис, поднялась по

лестнице для слуг.

Таинственный предмет так и стоял под той же тканью, в которую был прежде завернут, но теперь был ею накрыт, как покрывалом. Из-под него виднелись четыре ножки, две спереди широко расставлены, две дальние – поуже, верх широкий и плоский. И больше сказать ничего было нельзя, как и определить, для чего подарок предназначался – если у него вообще был смысл. Может, просто часть обстановки? Хотя места он занимал немало и выглядел внушительно.

Роуэн встала рядом с Элис; поискала глазами погремушку, которую оставила на столике утром, но, к своему удивлению, не нашла. Но долго задумываться об этом было некогда, мысли заняло предвкушение: вот-вот выяснится, что такое привез мистер Холландер.

Убедившись в их безраздельном внимании, Патрик эффектно сдернул ткань, которая плавно соскользнула из его рук на пол. Служанки, кухарка и даже конюх все как один затаили дыхание. Деревянный, похожий на большой сундук предмет по форме напоминал птичье крыло, а поверхность его была отполирована до блеска. Если она решится подойти достаточно близко, думала Роуэн, то увидит свое отражение.

– Клавесин? – с ноткой разочарования в голосе уточнила Кэролайн.

– Понимаю, почему вы так думаете, моя дорогая, по форме они схожи, но по звуку совершенно различны, вскоре сами убедитесь. – Патрик обошел инструмент и поднял крыш-

ку, установив ее под углом при помощи тонкой подпорки, которая таинственным – во всяком случае, для Роуэн – образом появилась изнутри.

– Что ж, – внимательно разглядывая подарок, произнесла Кэролайн. – Клавиатура у него лишь одна. И что за педали? По сравнению с клавесином выглядит довольно незамысловато. – Судя по голосу, покупка ее не впечатлила.

Подойдя так близко, насколько хватило храбрости, Роуэн разглядела внутри толстые струны и войлочные подушечки. Ничего подобного ей прежде видеть не доводилось, и она понятия не имела, для чего все это нужно; перед инструментом стояло сиденье, хотя бы его она узнала. В самом инструменте белые прямоугольники перемежались с более тонкими черными, будто специально сделанными так, чтобы удобнее было касаться.

– Фортепьяно, – торжественно провозгласил Патрик. – Последнее изобретение, прямо из Парижа. Увидел, когда ездил в Лондон, и просто не мог не заказать нам точно такое же. Зная, как сильно вы любите музыку, любовь моя, я подумал, что это подходящий подарок на пятую годовщину нашей свадьбы.

Кэролайн ничего не ответила, но губы ее тронула слабая улыбка.

– Почему бы вам сразу не опробовать? – Приплясывая вокруг жены в радостном возбуждении, он указал на стул перед клавиатурой.

Помедлив, Кэролайн все же присела, поправляя юбки.

– Не представляю, как извлечь мелодию из этого сооружения, – призналась она, но тем не менее опустила руки на инструмент. Нажала на пробу несколько разных клавиш, и Роуэн не только услышала, но и почувствовала, как звук разносится по комнате и летит к ней. Низкие ноты напоминали жужжание пчелы, а высокие – писк комара. Прежде из музыкальных инструментов она видела лишь скрипки, свистки и барабаны, даже близко не столь впечатляющие, как этот. При первых же нотах хозяин захлопал в ладоши и оглянулся на слуг, призывая их присоединиться.

– В самом деле очень красиво звучит, сэр, – произнесла Пруденс в паузу.

Кэролайн, смотревшая только на инструмент перед собой, едва обращала внимания на остальных собравшихся, неторопливо извлекая из него мелодию, пробуя нажимать на клавиши из слоновой кости то так, то эдак.

– Так можно играть громче или тише! – воскликнула она. – Это определенно лучше любого клавиесина.

– Моей жене – только самое лучшее, – с гордостью провозгласил Патрик.

Роуэн заметила, что выражение чистого восторга полностью изменило лицо ее новой хозяйки, лишь едва заметно дрогнув, когда мистер Холландер объявил о своем срочном отъезде в Лондон. А вот лицо Элис не выражало совершенно ничего, будто она нарочно старалась не показывать ника-

ких чувств. Неужели угрюмую служанку никогда ничего не радует?

Глава 9

Сейчас

Тея наблюдала за тринадцатью девушками, собравшимися за двумя столами – приехали все, кроме одной: за два дня до начала семестра у Камиллы обнаружили моноцитарную ангину, так что она присоединится к остальным только через несколько недель. Все активно знакомились – кроме пары более тихих девушек, – а те, кто уже давно знал друг друга, оживленно болтали, едва успевая есть. До этого был шквал объятий и поцелуев, прощание с родными – Тея тогда даже немножко завидовала такой естественной и очевидной привязанности. Но теперь, на ужине, было шумно и весело, все смеялись и болтали, увлеченные новой обстановкой, и никто не скучал по дому – во всяком случае, этого не было видно.

Тея дважды хлопнула в ладоши, с удовольствием отметив мгновенно воцарившуюся тишину и внимание, с которым все приготовились ее слушать.

– С большинством из вас мы уже познакомились, и я с радостью буду помогать вам до выздоровления миссис Джексон, – произнесла она, изучая воодушевленные лица девушек. – У кого-то я также буду вести историю и помогать пре-

подавателю физкультуры мистеру Поупу с формированием смешанной хоккейной команды. Я советовала бы всем вам попробовать.

Тея следила за реакцией некоторых девочек, особенно за Фенеллой, Джой и Морган, вспомнив, что читала про их достижения в спорте, и с удовольствием отметила, как у них загорелись глаза.

– Завтра важный день, так что я рассчитываю, что сразу после ужина вы вернетесь в свои комнаты и закончите разбирать вещи, отбой в девять тридцать. – Раздались стоны, и она подняла руку: – Знаю, большинство из вас уже учились в школах-пансионах, но не все, а ранний отбой здесь – строгое правило. – Простодушный вид девушек ее не обманул. – Вас также просят оставить мобильные телефоны на станции подзарядки в конце столовой, доступ к ним разрешен днем после занятий. Уверена, многие заметили в спальнях умные будильники: они будут оповещать о завтраках, обедах и так далее. Завтра утром я провожу вас в школу и покажу аудитории. Вопросы?

Послышались шепотки, но никто не поднял руки, так что Тея села на свое место. В стольких правилах нужно было разобраться, Тее самой было непривычно, но девушки отнеслись ко всему невозмутимо – кроме необходимости рано ложиться спать. Тея потянулась к кувшину с водой. Раздался звук бьющегося стекла, и она вздрогнула, а за столом воцарилась тишина. Обернувшись, она увидела испуганную Фе-

неллу и осколки стекла на полу.

– Я его даже не трогала, честно, – пробормотала она, ронзая от смущения.

Тея встала, но женщина с кухни, подавшая всем ужин, уже спешила к ним с тряпкой в руках.

– Не переживай, – сочувственно сказала она. – Всякое случается.

Когда она наклонилась собрать осколки, Тея заметила на ее левом запястье фрагмент синей татуировки, по форме очень напоминающей стрелу.

За четверть часа до отбоя Тея отправилась в обход по дому, с радостью замечая, что почти все уже лежат в кроватях, читая или тихонько переговариваясь. Только по комнате Фенеллы будто ураган прошелся: повсюду, на кровати и на полу валялись вперемешку вещи, одежда и книги.

– На самом деле все не так страшно, правда, – покосившись на царящий вокруг беспорядок, заверила ее Фенелла.

– Может, я помогу? – добродушно предложила Тея. – Так у нас будет хотя бы шанс навести подобие порядка за оставшиеся десять минут.

Фенелла сложила в стопку лежавшие на кровати вещи, и они вместе расставили книги и бумаги.

– Ты была права, – заметила Тея в конце. – Выглядело хуже, чем на самом деле. А теперь постарайся выспаться. Знаю, поначалу будет непривычно, но не переживай, мы все посте-

пенно привыкнем. Жаль, что твоя соседка заболела, но пока что у тебя будет больше личного пространства.

Фенелла пожалала плечами, будто это не имело значения.

– Знаешь, не только ты никогда не жила в школе-пансионе, – добавила Тея. – Мне тоже все в новинку. – В этот раз девушка чуть улыбнулась, и Тея со спокойной душой повернулась к выходу. – Если тебе что-то понадобится, моя комната дальше по коридору.

Убедившись, что все в порядке и свет погашен, Тея спустилась на кухню, где тут же столкнулась с дамой Хикс.

– Мне не хватало вас за ужином... – начала Тея.

– Я, кажется, упоминала: я ем у себя, – перебила ее женщина не терпящим возражений тоном.

– А, что ж, ясно. – Тея ничего такого не помнила, но решила не заострять внимания. – Собираюсь лечь пораньше, завтра всем нужно быть наготове. Нельзя, чтобы девочки опоздали в школу в первое же утро, – добавила она, осознав, что теперь это ее забота.

– Именно.

– В таком случае доброй ночи.

Поднявшись на верхний этаж, Тея прошла по коридору с тусклым ночником, спотыкаясь, дошла до кровати и нащупала лампу, чуть не свалив ее со стола. Щелкнув выключателем, она с облегчением вздохнула, когда свет загорелся.

Тея резко проснулась. Вокруг было темно, еще раннее утро. Некоторое время она лежала не шевелясь: ей послышался какой-то звук. Сев на кровати, она прислушалась, пытаясь понять, что выдернуло ее из сна. И вот – снова. Отдаленное эхо пианино. Тея видела инструмент в гостиной на первом этаже, но сомневалась, что кто-то из девочек будет играть в такое время. Потом послышались шаги, сдавленный плач. Встревожившись, Тея потянулась за халатом и нащупала тапочки. Подсвечивая себе фонариком на телефоне, она тихонько открыла дверь и крадучись вышла в коридор, силась расслышать что-то еще.

Успокаивающий шепот, шорохи. Дойдя до комнаты Фенеллы, Тея остановилась. Ничего. Тогда она повернула к лестнице и вышла на площадку. Тоже никаких звуков. А затем снова шаги, в этот раз громче. Тея медленно начала спускаться: ступенька скрипнула, и она поморщилась, сердце застучало громче.

Оказавшись этажом ниже, она снова прислушалась, но все было тихо, звуки будто растворились в тени. Неужели ей все послышалось?

А затем что-то коснулось ее голых ног, и у Теи душа ушла в пятки. Она опустила голову: у ног стояла какая-то тень.

Исида. Сердце постепенно успокаивалось, и Тея направилась по главной лестнице к кухне, где звякнуло стекло, а затем с глухим звуком закрылась дверца шкафчика. Она включила свет, и тянувшаяся за водой девочка замерла со стака-

ном в руке.

Тея наконец выдохнула.

– Фенелла! – прошептала она, помня, что весь дом еще спит.

– Пить захотелось, – пояснила та, подняв стакан, и показательно взглянула на Тею. – Простите, я вас разбудила? Я старалась не шуметь. Обещаю этот стакан не бить.

– Все в порядке.

Фенелла сделала пару глотков воды, и Тея тоже подошла к шкафчику, чтобы взять стакан. Не успела она открыть дверцу, как оттуда выпорхнуло целое облако мотыльков, заставив ее подпрыгнуть от неожиданности и замахать руками.

– Уф. – Она наполнила стакан из крана. – Первая ночь на новом месте, всегда нелегко.

– Я в порядке.

– Точно?

Фенелла кивнула.

– Тогда постарайся отдохнуть.

Когда Тея поднялась к себе, дверь в комнату была закрыта. Она была уверена, что оставила ее нараспашку, а ее будто специально захлопнули. Повернув ручку, Тея с силой толкнула поначалу не поддавшуюся створку и вошла, оглядываясь. Все выглядело как и прежде, и все же ее не покидало ощущение, что кто-то туда заходил. Что-то в воздухе, слабый запах цветов... Ее воображение работало не просто хорошо, а, судя по всему, еще и сверхурочно.

Тея забралась обратно в кровать, но сон никак не шел. Наконец она сдалась и нашла подкаст о египетских древностях, скучнейший из всех, и убаюкивающий бесплотный голос погрузил ее в забытие.

Следующим утром девочки собрались в столовой, поправляя галстуки и застегивая тугие пуговицы формы, готовясь идти в школу.

– Я покажу, где находятся ваши шкафчики, и провожу в классные комнаты, откуда вы пойдете в часовню. Личное расписание у всех уже должно быть, – сообщила Тея, но ее прервал громкий стук в дверь. – Я сейчас, – сказала она через плечо и отправилась открывать.

На крыльце стоял высокий рыжеволосый мужчина с фотоаппаратом на шее и большой внешней вспышкой.

– Джефф Дэймер, официальный школьный фотограф, – представился он, показывая ей карточку.

– О, – захваченная врасплох, Тея не знала, что ответить. – Меня не предупреждали.

– Мне сказали сделать несколько снимков учениц в их первый день в школе. Ну, знаете, для ежегодного отчета.

Тея не знала, но на его карточке был герб школы, так что она отступила, впуская его.

– А это займет много времени? – обеспокоенно спросила она.

– Моргнуть не успеете, как будет готово, – улыбнулся он

ей, обнажив кривоватые зубы.

– Ладно, – решила Тея. – Все в столовой, слева.

– Добрый день, девушки, – жизнерадостно поздоровался фотограф, когда все повернулись к нему, разом замолчав.

– Это Джефф, – представила его Тея. – Ему нужно быстро сделать фото для школьного архива. – Она обернулась к фотографу: – Здесь темновато, возможно, в саду будет лучше?

– Отлично, – с энтузиазмом закивал он.

– Эм... девушки? – Все ученицы без исключения встали и направились к выходу из комнаты и вверх по лестнице. – Сад в другой стороне, – добавила она.

– Надо же привести себя в порядок, – прошептала ей Арадия, проскользнув мимо. – Если бы я знала, встала бы пораньше и выпрямила волосы.

Тея раздраженно вздохнула.

– Только скорее, – крикнула она им вслед. – Сегодня утром просто нельзя опоздать!

Через десять минут или около того, пока Тея нервно считала оставшееся время, девушки дружно спустились, выглядя, по крайней мере по ее мнению, точно, как и прежде.

– Так, будьте добры, встаньте здесь у стены в три ряда, – принялся расставлять их Джефф. – И вы тоже, мисс. – Он замахал Тее, приглашая ее присоединиться. Уже когда он собирался снимать, Тея, бросив взгляд влево, увидела рядом с Фенеллой даму Хикс и улыбнулась ей.

Джефф сдержал слово и провел импровизированную фо-

тосессию всего за пять минут.

– Девочки, поторопитесь, – позвала Тея, махнув Джеффу на прощание. – Выходим прямо сейчас. Возьмите сумки – и отправляемся.

Тея специально проснулась пораньше, чтобы изучить карту школы, так как территория была обширной, и она до сих пор сомневалась, правильно ли запомнила расположение всех кабинетов.

– С планом школы вы все уже ознакомились на вводном занятии, но каждой из вас назначили сопровождающего из вашего класса, – сообщила она по дороге.

Арадия сморщила носик.

– Не волнуйся, – заметив, подбодрила ее Тея. – Уверена, все будут очень дружелюбны, и вы скоро сами во всем разберетесь. Думаю, среди инструкций для вас где-то должна быть карта.

– Мисс Раст, мы все будем в одном классе? – спросила Джой, тихая серьезная девочка в очках в голубой оправе.

– Нет, во всяком случае, не по утрам, и на выбранных занятиях вы будете в разных группах. Важно, чтобы вы занимались вместе с юношами, общались, хотя вас, конечно, гораздо меньше. Совсем скоро все привыкнут, даже не сомневаюсь, – изо всех сил старалась она подбодрить своих подопечных, проходя через школьные ворота.

Дойдя до корпуса старших классов, Тея сверилась со списком.

– Фенелла, Арадия, Сабрина и Морган. – Она посмотрела на них, чтобы проверить, все ли услышали. – Вы вчетвером в классе доктора Адамса, вверх по вон той лестнице.

Девушки ушли в указанном направлении, а Тея развела оставшихся девять учениц по их классам. Поздравив себя с успешным завершением первого задания, она отправилась в учительскую, столкнувшись по пути с Клэр.

– Все хорошо? Не заблудилась?

– Думаю, да, – кивнула Тея, поправляя сумку на плече. – У меня первый урок только в десять, но мне явно стоит еще раз перечитать записи.

– Ты справишься. Я тоже не сразу привыкла к этому месту.

– Знаю, – вздохнула Тея, роясь в сумке. – Именно это я девочкам и сказала. Стоит прислушаться к собственному совету. Ой! – Отдернув руку, она увидела выступившую кровь. – Бумагой порезалась, – объяснила Тея, посасывая палец.

– В аптечке первой помощи должен быть пластырь, – сказала Клэр. – Пойдем со мной.

Они зашли в учительскую, где Клэр сняла с дальней полки у стены большую черную коробку.

– Все в порядке? – раздался голос. Гарет Поуп, физическая культура.

– Обычная неуклюжесть, – криво улыбнулась Тея, заклеивая большой палец. – Но все уже хорошо. – Скомкав обертку другой рукой, она выбросила бумажки в мусорную кор-

зину. – Так. Лучше пойду искать свой класс. До встречи! – выпрямившись и расправив плечи, попрощалась она.

В выпускном классе Теи было десять учеников, включая трех новеньких: Сабрину, Морган и Фенеллу. Тея представилась и постаралась запомнить имена учеников. Большинство смотрели на нее с любопытством, пара ребят – с намеком на вызов, словно ждали, как она себя проявит.

– Итак. Зачем нужно изучать историю?

Пара рук взлетели в воздух.

– Чтобы знать, что происходило в прошлом? – предположил один из ребят, Эдвард, кажется.

По залу прокатились смешки.

– Это может показаться очевидным, но Эдвард прав, – кивнула Тея.

– Чтобы мы не совершали таких же ошибок в будущем, – произнесла Сабрина.

– Хотя люди и цивилизации не всегда так поступают, – возразил юноша по имени Джеймс.

– Верно, – улыбнулась ему Тея. – Кто-нибудь еще?

– Чтобы найти баланс между пониманием и знанием и научиться думать самостоятельно, – добавила Фенелла.

– Хорошо, – похвалила ее Тея. – Начало уже есть. А какое первое правило исторического анализа?

– Никто не беспристрастен, даже участник или свидетель события, – это снова была Фенелла. – Все можно рассмот-

реть с двух точек зрения.

– Есть еще кое-что. – Тея подумала об отце. Он пользовался огромным уважением, но ее чувства к отцу были гораздо сложнее. Для всего мира и для домашних это были два разных человека. С ним не всегда было легко находиться рядом, он не терпел малейших промахов и недостатков, и они с сестрой в детстве страшно боялись разочаровать его. Стоило ему решить, что Тея или Пип недостаточно стараются, как он тут же выходил из себя, гневно отчитывая их, иногда не обходясь словами, и Тее в детстве досталась доля унижительных шлепков и ударов. Взрослея, она научилась лучше скрывать ощущения собственного несоответствия и никчемности, но они все равно были там, тугим узлом сворачиваясь в желудке, стоило ей только столкнуться с новым вызовом – вместе со страхом, что она может провалиться и тем самым доказать, что он был прав.

Сглотнув, она оглядела класс; сейчас было не время задумываться о таких вещах.

– Есть известные факты. И есть интерпретации этих фактов. Мы должны рассмотреть любую ситуацию со всех сторон, тщательно отобрать и изучить материал, первоисточники и вспомогательные ресурсы, получить исчерпывающее представление о событиях, определить их важность и только потом делать выводы.

Рука Сабрины взлетела в воздух.

– Это как слой за слоем чистить лук, пока не доберешься

до правды в центре?

Несколько других учеников кивнули.

– Может быть и так, – согласилась Тея, хотя и не могла не думать, что порой ты чистишь и чистишь, пока не остается больше ничего точного и правдивого.

Глава 10

Декабрь, 1768 год, Лондон

Зажав под мышкой пачку набросков, образцов вышивки и шаблонов для станка, Мэри приготовилась стучать в двери каждого ткача на Спитал-сквер, на всех южных улицах Спиталфилдс и даже дальше.

Мало кто пускал ее в дом.

Кто-то при ее приближении захлопывал ставни, будто их уже предупредили, другие, особенно ткачи-французы, делали вид, что ничего не понимают. Большинство презрительно фыркали, не веря, что женщина может обладать достаточным мастерством художника и пониманием технического процесса, и даже не позволяли ей открыть альбом. Те же, кто мельком видел ее рисунки, презрительно отмахивались: «Кто захочет носить платья с полевыми цветами?» – в основном говорили они. «Вышить можно, а вот вы ткать не так-то легко, должны же вы понимать», – говорил другой. Ей даже не дали шанса доказать свою точку зрения.

Когда она возвращалась домой в конце второй недели бесплодных путешествий от двери к двери, уже сгущались сумерки. Натертые ноги в волдырях болели, и Мэри, с трудом

поднявшись по ступенькам, в раздражении швырнула свои работы на пол, под ноги сестре.

– Почему я вообще решила, что это к чему-нибудь приведет? – воскликнула она, и надежда на лице Фрэнсис сменилась недоумением.

– О, моя дорогая... – Поникшие плечи сестры и удрученный вид не требовали дальнейших объяснений. – Не беспокойся. Мы что-нибудь придумаем. – Она подобрала разлетевшиеся листки, разглаживая помявшиеся края и проводя пальцем по изящным карандашным штрихам.

Долго предаваться унынию Мэри не могла. Она считала свои работы хорошими, надо было только убедить кого-то дать ей шанс, и все обязательно встало бы на свои места. В любом случае у нее не было выбора, только продолжать, так как она не видела иных способов хоть как-то увеличить их доход, во всяком случае, тех, что подходили бы женщине ее класса. Мэри могла бы получить место гувернантки, это верно, но, так как она и помыслить не могла оставить Фрэнсис, этот вариант тоже пришлось вычеркнуть. Кроме того, она достаточно хорошо себя знала и понимала, что не обладает необходимым терпением.

Ее считали – и она воспринимала это с немалым облегчением – слишком старой для выгодного брака. Но он ее и не прельщал: у нее не было никакого желания жить в зависимости от кого-либо, обещать подчиняться. Все, чего ей хо-

телось — это создавать узоры, рисовать эскизы и картины, наслаждаясь спокойной жизнью с сестрой. Неужели это так много?

Она снова будет ходить со своими работами, станет трудиться усерднее и овладеет мастерством. Приняв твердое решение, она окунула кисть в воду, разглядывая стоящие перед ней луговые цветы. И только занесла руку над плотной акварельной бумагой на рабочем столе, как раздался резкий стук в дверь. Мэри замерла. Они никого не ждали. Фрэнсис каждое утро отправлялась во Французский госпиталь, где ухаживала за теми, кому повезло меньше, чем им, и еще не вернулась, так что Мэри оставалась одна: они не могли себе позволить нанять даже одну служанку.

Вздыхнув, что пришлось прерываться, Мэри отложила кисть и подняла руки к волосам: буйные кудри имели привычку одновременно выбиваться из простой прически, так что она пригладила их как могла, надеясь, что выглядит хотя бы прилично. Для рисования она обычно надевала хлопковую рубашку, чтобы не испачкать платье. Поспешно выпустившись из рукавов, Мэри подошла к двери.

— Мисс Мэри-Луиза Стивенсон живет здесь, я не ошибся? — спросил стоявший на крыльце мужчина. — Она меня ожидает.

Из-за столь скромного платья он явно принял ее за служанку.

— Могу я узнать, кто ее спрашивает? — спросила она, со-

ответствуя образу.

– Мистер Патрик Холландер, – ответил он и помедлил, словно ожидая, что она узнает имя, но Мэри только подняла брови.

– Боюсь, сэр, я понятия не имею, кто вы, – выпалила она, под его пристальным взглядом забыв про свой спектакль.

– Мисс Стивенсон? – уточнил он, неожиданно осознав свою ошибку.

Собственный растрепанный вид ощущался тем сильнее, когда Мэри заметила изящно вытканый шелковый жилет незнакомца, покрой его бриджей, чулки без единого пятнышка, дорогую кожу туфель и блестящие пряжки, в то время как на ней под рабочей одеждой была простая льняная блуза, которую она перешила из старого платья Фрэнсис, и залатанная нижняя юбка. Видневшееся на шее и запястьях кружево было заляпано краской. Мэри потянулась к горлу в тщетной попытке скрыть это, но лишь привлекла внимание к испачканным манжетам сорочки. Мужчина на пороге выглядел явно состоятельным, а она – не лучше деревенской служанки. Впервые Мэри не нашлась с ответом.

– Сударыня, прошу принять мои искренние извинения, – продолжил гость, улыбаясь ей так тепло, что раскаяния в голосе не чувствовалось вовсе. – Я послал вам письмо на днях, предупреждая о своем визите. Поверьте, у меня не было намерений врываться к вам без объяснений или заставить вас расплож.

И хотя ситуация была явно неловкой, Мэри не могла устоять перед его обаянием. Мягкий, вкрадчивый голос с южным выговором гласных звучал как музыка, и слова лились неторопливо, точно стекающий с сот мед, показывая, что у него есть все время мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.